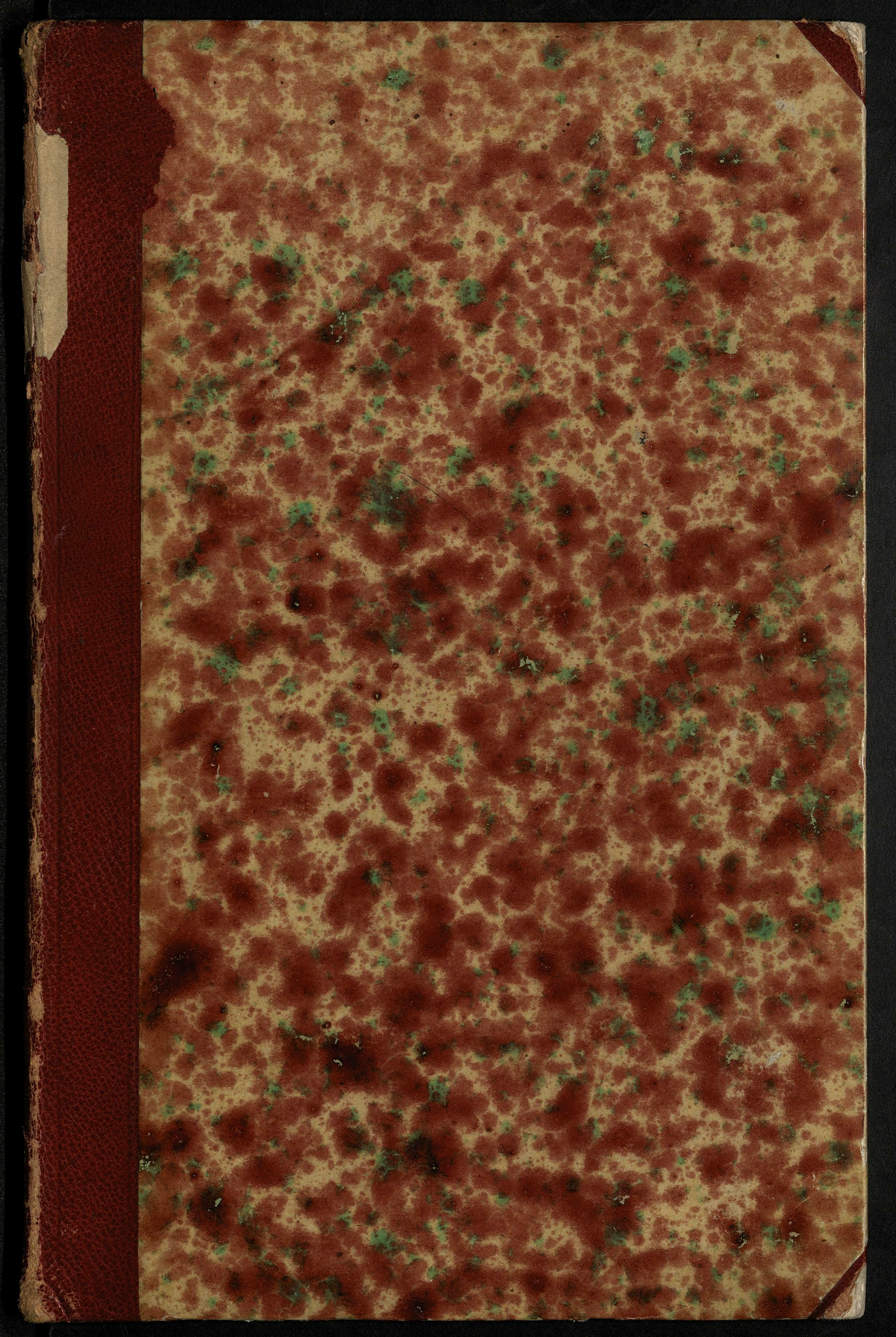

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

УКРАЙНЫ И СЕВАСТОПОЛЯ.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

УКРАЙНЫ И СЕВАСТОПОЛЯ.

ВПЕЧАТЛѢНІЯ

УКРАЙНЫ

И

СЕВАСТОПОЛЯ.

С. П. Б.

Въ типографіи III Отдѣленія Соб. Е. И. В. Канцеляріи.

1859.

Печатать дозволяется

съ тѣмъ, чтобы по напечатаніи, до выпуска изъ типографіи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Декабря 29 дня 1858 года.

Московская Духовная Академія. Цензоръ, Академіи Инспекторъ Архимандритъ *Порфирій*.

СВЯТЫЯ ГОРЫ.

27 Мая 1858 г.

По этому листочку, который выпадетъ изъ моего письма, вы убѣдитесь, что я исполнилъ сердечное порученіе ваше и помолился надъ гробомъ вашей матери и, во свидѣтельство сему, сорвалъ листокъ съ дубка растущаго близь ея могилы. Щастливѣе вы другихъ давнихъ жильцевъ Св. горъ! Вчера пріѣзжалъ сюда Пр. Антоній Кишиневскій, на пути изъ Оренбурга въ свою новую эпархію; ему хотѣлось поклониться праху своихъ родителей, ибо отецъ его служилъ здѣсь діакономъ при бывшей Богородицкой церкви, до обновленія обители Святогорской; но когда, отслуживъ панихиду въ соборѣ, пошелъ онъ на кладбище, съ прискорбіемъ увидѣлъ только одинъ насыпной холмъ, безъ различія могилъ: все уравняло время! Вчера мы слушали еще од-

ну умилительную панихиду, въ пещерной церкви Антонія и Θеодосія: это была годовщина Архіепископа Иннокентія.

Службу совершалъ соборно самъ Архимандритъ и нечаянно избралъ сію подземную церковь для ранней литургіи; а между тѣмъ эту лишь одну, во всей обители Святогорской, освятилъ самъ Иннокентій! Когда шелъ онъ крестнымъ ходомъ на сіе освященіе, внезапно поворотилъ къ могилѣ почіющаго предъ ея входомъ столѣтняго старца Маθусаила, который указалъ пещеру, по старой памяти минувшаго; «помолимся прежде о лѣтописцѣ Св. горъ, сказалъ Преосвященный, ему мы обязаны сохраненіемъ пещернаго храма» и отслужилъ надъ могилою его панихиду, какъ и теперь ее отпѣли въ память самаго обновителя Св. горъ. Я описываю вамъ эти подробности, зная какъ вы уважаете память покойнаго Архіепископа. Архимандритъ Арсеній сказывалъ мнѣ, что въ последнее посѣщеніе обители, когда возвращался съ коронаціи Пр. Иннокентій, уже предчувствовалъ онъ близкую свою кончину и, прощаясь во Св. вратахъ, поклонился до земли настоятелю и всему братству, прося себѣ прощенія, если чѣмъ ихъ оскорбилъ во время управленія эпархіею, «потому что, присовокупилъ онъ, мы уже не свидимся болѣе въ земной жизни.»

Чтò вамъ сказать о Св. горахъ? Онѣ вамъ довольно знакомы и я уже высказалъ свои впе-

чатлѣнія въ первомъ моемъ описаніи, но здѣсь столь многое говоритъ сердцу и воображенію, что всего, кажется, и не выскажешь. Отрадно благоговѣйное служеніе въ пещерныхъ церквахъ и невольно потрясается сердце еще исполненное звуками божественныхъ пѣсней, когда внезапно видишь предъ собою, при выходѣ изъ скалы, самое чудное зрѣлище: и мирный Донецъ въ его глубокой долинѣ, окованный отовсюду мѣловыми утесами, и необозримую лѣсную дебрь, какъ море зелени, на окраинѣ коей бѣлѣютъ опять мѣловыя горы. Не могутъ довольно насытиться такими видами взоры, отъ нихъ отвыкшіе, послѣ однообразія сѣверныхъ равнинъ. Всею роскошью южной природы дышетъ этотъ чудный оазисъ, какъ бы отрывокъ иной лучшей страны, нечаянно брошенный въ сію пустыню. Роскошно встрѣтила здѣсь пришельцевъ сѣвера благодатная весна, какихъ давно не запомнятъ, освѣжаемая шумными дождями и частыми грозами, послѣ коихъ благоухаетъ воздухъ ароматами тополей, липъ и бѣлыхъ акацій. Мы дышемъ этою чудной атмосферой на Св. горѣ и не можемъ довольно надышаться. Всю сію ночь шумѣла страшная гроза, раскаты грома отзывались въ горахъ и все небо сверкало молніями, но я не могъ рѣшиться закрыть окна, отъ теплоты благорастворённаго воздуха, и любовался бурею стихій съ высокаго моего терема; а вчера опять нельзя было закрыть окна на ночь, чтобы не лишить себя ве-

1*

сенней пѣсни соловьевъ, одушевляющихъ росистую Украинскую ночь. И такъ вы видите, что мы дѣлимъ здѣсь наши ночи между раскатами грома и трелями соловья: кажется тутъ довольно поэзіи! Съ годами охладѣваютъ чувства, но это чувство еще живо въ моей душѣ: я также любуюсь и теперь живописными видами и также наслаждаюсь ароматною ночью и соловьиною пѣснью, какъ это бывало въ давноминувшее вчера моей молодости, когда охотно просиживалъ цѣлыя ночи, на прилавкѣ своей хаты, подъ навѣсомъ цвѣтущихъ яблонь.

Вы довольно любезны, чтобы не спрашивать когда было это вчера?—Оно далеко и слилось съ минувшимъ такъ, что не отличишь его поблекшихъ красокъ, на этомъ постоянно свивающемся за нами свиткѣ (чтобы не сказать саванѣ) всѣхъ нашихъ чувствъ и впечатлѣній, который мы называемъ минувшимъ. Тутъ уже, по сильному выраженію Дантовой поэмы, «и воздухъ не окрашенъ временемъ»

quell' aria senza tempo tinta

т. е. на этомъ небосклонѣ нѣтъ уже красокъ ни утренней ни вечерней зари, по чему бы можно было различить время дня: такъ бываетъ и съ нашимъ минувшимъ, когда все въ немъ сливается въ одно безцвѣтное цѣлое.

Знаете ли однако, что никогда Малороссія

не производила на меня столь сильнаго впечатлѣнія, какъ теперь, хотя я познакомился съ нею еще въ первые годы молодости, ибо тамъ началъ полковую свою жизнь. Можетъ быть это отъ того, что я всегда въѣзжалъ въ нее съ другой стороны, отъ Сѣвска а не отъ Курска, и Черниговскіе пески и болота, съ ихъ греблями, не поражали такъ мои чувства, какъ Харьковскія степи съ ихъ болѣе южною растительностію; или быть можетъ я былъ лучше расположенъ теперь принять сіи впечатлѣнія, встрѣчаясь съ Украйною, какъ съ старымъ знакомцемъ? Скажу только, что никогда столь разительнымъ не представлялось мнѣ столкновеніе двухъ разнородныхъ краевъ и племенъ Великой и Малой Россіи. Здѣсь дѣйствительно Украйна наша и даже обоюдная, той и другой Руси, и мнѣ жаль, что недавно утратилось историческое названіе Слободско-украинской губерніи, которое такъ вѣрно выражало самую мѣстность и образъ ея населенія; такія названія возникаютъ не по произволу и они не замѣнимы.

Въ Обояни собственно кончается великая Русь на ея высокой горѣ, откуда Русскій человѣкъ любитъ, по родной своей пословицѣ, и себя показать и людей посмотрѣть, и отсюда, какъ бы по нѣкоему обаянію, внезапно начинается Малороссія, съ мирными удольями, въ которыхъ любитъ укрываться ея народонаселеніе, по своему природному духу и мѣстнымъ обстоятельствамъ. Не далеко за Обоянью,

какъ только спустишься съ пещерной горы, въѣзжаешь въ первое Малороссійское ущеліе, длинную греблю, непроходимую весною и осенью, обсаженную плакучими ивами, которая тянется версты на двѣ и служитъ преддверіемъ къ обширному селу, раскинутому на пескахъ совершенно во вкусѣ вашихъ соотечественниковъ. Послѣ сихъ Украинскихъ Термопилъ измѣняется характеръ самой страны, и Курскія высоты постепенно склоняются къ Харьковской равнинѣ. Бѣлгородъ уже носитъ на себѣ отпечатокъ совершенно южнаго города, углубившись въ живописную долину на скромныхъ истокахъ Донца, съ бѣлыми своими обителями и соборами. Это была основная каѳедра слободъ Украинскихъ, изъ которой истекла къ югу широкимъ потокомъ, даже до моря, церковная жизнь нашей Украйны. Утѣшительно было поклониться нетлѣнному блюстителю своей паствы, въ бывшемъ соборѣ Бѣлгорода, Святителю Іоасафу, который нынѣ охраняетъ ее неусыпною молитвою, въ придѣльной церкви Страшнаго Суда, имъ устроенной для своей усыпальницы, доколѣ не наступитъ таинственный день сей!

Послѣ Бѣлгорода уже настоящая Малороссія. Рѣдко на пути встрѣчаются селенія, развѣ только однѣ станціи, но вы видите обширныя села по сторонамъ въ глубокихъ оврагахъ, гдѣ серебрится узкая лента какой-либо безымен-

ной рѣчки, мѣстами запруженной въ широкій ставъ; длинная полоса Итальянскихъ тополей, стройно извиваясь по удолью, напоминаетъ роскошную растительность того чуднаго края, изъ котораго переселились къ намъ сіи нѣжные выходцы юга, не переносящіе сѣверныхъ вьюгъ. Крылатыя мельницы оживляютъ преддверія живописныхъ селеній, на сосѣднихъ высотахъ, широкими размахами своихъ крыльевъ, будто ведутъ онѣ между собою шумную бесѣду, недоступную мимоходящему путнику, какъ непонятны ему и загадочныя движенія телеграфа, беззвучно произносящаго слова.

И вотъ, посреди сей зеленой пустыни, по которой вы мчитесь, сталкивается въ глазахъ вашихъ съ Сѣверомъ Югъ, и два народонаселенія, совершенно различныя по духу своему и характеру, идутъ на встрѣчу одно другому, представляя собою разительную противоположность. Съ Курскихъ высотъ спускаются веселые паробки, которые идутъ распѣвая на промыселъ до дальняго Таганрога. На мелкихъ лошадкахъ везется все ихъ лѣтнее достояніе, и кто по старше, съ просѣдью на бородѣ, тотъ сидитъ на облучкѣ, управляя телегой, а молодые разбрелись по сторонамъ, въ шумной бесѣдѣ перебивая дорогу встрѣчнымъ. Имъ на встрѣчу медленно поднимается, съ Харьковскихъ равнинъ, пустынный караванъ попарно впряженныхъ воловъ въ длинныя фуры; бѣлые волы сіи, замѣняющіе для

Украйны восточныхъ верблюдовъ, совершенно соотвѣтствуютъ характеру зеленыхъ ея степей. Неподвижно, безстрастно, въ бѣлыхъ свитахъ какъ бы въ саванахъ, сидятъ обожженные солнцемъ чумаки на своихъ колесницахъ, будто не чувствуя движутся ли они впередъ, и не принимая никакого участія во встрѣчающихся предметахъ. Одинъ только, впереди первыхъ воловъ, управляетъ всѣмъ караваномъ. За фурами слѣдуютъ, съ поникшей головою, волкообразные псы, особой породы, усвоенные нраву своихъ хозяевъ.

Сотни и тысячи верстъ совершаютъ сіи караваны, сохраняя вездѣ самобытный свой характеръ, являясь большею частію чуждыми тому краю, чрезъ который столь равнодушно проходятъ, но здѣсь они въ своей родной странѣ: пустынная рама, ихъ окаймляющая, выставляетъ въ настоящемъ свѣтѣ своенравныя ихъ фигуры. Иногда, вслѣдъ за скрипучими возами, тащится на опрокинутомъ плугѣ молодой хохленокъ, въ бѣлой косматой шапкѣ, со всею важностію стараго чумака, ибо въ этомъ, по видимому безжизненномъ племени, разность возраста не прибавляетъ и не убавляетъ жизни; но попробуйте раздразнитъ ихъ и тутъ разыграется, въ полной силѣ, южная природа, которая дремлетъ только до времени и до крови.

Любилъ я смотрѣть и на ночной отдыхъ этихъ степныхъ каравановъ, когда, распустивъ въ полѣ бѣлыхъ воловъ своихъ и разложивъ огни

между собранныхъ на дорогѣ фуръ, сидѣли около, живописными кружками, рослые чумаки и варили себѣ пищу въ кошевыхъ котлахъ. Ярко освѣщало пламя ихъ смуглыя лица, напоминавшія старыхъ Запорожцевъ, когда еще ихъ дѣды заселяли слободами своими Украйну и ватагами ходили на Ляховъ и на Крымцевъ. Много минувшей жизни возбуждалось въ памяти, при видѣ сихъ безжизненныхъ по видимому путниковъ, и чумацкій ночлегъ въ Украинской степи, подъ ея теплымъ небомъ ярко горящимъ звѣздами, сильно говорилъ воображенію. Но я увлекся вашими земляками и совершенно забылъ, что рѣчь идетъ о Св. горахъ.

Вы бы не узнали обители Святогорской, такъ она расширилась и процвѣла въ короткое время; я и самъ тому подивился на разстояніи семи только лѣтъ. Уже и бѣлая ограда широко раскинулась, опускаясь и подымаясь по зеленымъ горамъ. Честь и слава О. Архимандриту Арсенію; это великій строитель и можно сказать, что ему обязана своимъ существованіемъ обновленная обитель, при скудныхъ средствахъ; онъ умѣлъ привлечь къ ней не только всю Украйну, но и самый Донъ, и ничѣмъ болѣе какъ привѣтливымъ словомъ и благолѣпною службою. Сего дня Господь сподобилъ меня пріобщиться внутри скалы, въ церкви Предтечи, гдѣ нѣкогда обрѣтенъ былъ, на мѣловой скалѣ, чудный образъ Святителя Николая. Соборно совершалъ литургію

самъ Архимандритъ и съ нами молился схимникъ, затворникъ Іоаннъ, который семь лѣтъ спасается, чуднымъ подвигомъ, въ сердцѣ скалы. Его келлія, изсѣченная въ камнѣ, примыкаетъ къ олтарю пещерной церкви. Отрадно было молиться въ чудномъ храмѣ, утаенномъ отъ взоровъ человѣческихъ, внутри скалы; никогда не слыхалъ я столь умилительнаго пѣнія Херувимской пѣсни на гласъ, «благообразный Іосифъ»; изъ всѣхъ службъ, которыя ежедневно совершались, то на верху скалы, то въ подземной церкви Чудотворцевъ Печерскихъ , утѣшительнѣе всѣхъ для меня была сія литургія въ сердцѣ утеса, близь келліи затворника, который напоминаетъ собою времена давно минувшія Египта и Палестины и нашего роднаго Кіева. Знаете ли, что обитель Святогорскую можно назвать миссіонерскою, въ полномъ смыслѣ сего слова, для всего южнаго края. Теперь, въ Петровъ постъ, всякій день стекаются сюда поклонники для говѣнія, а въ Успенскій число ихъ удесятерится. Не только по субботамъ и воскресеньямъ, но ежедневно въ будни, во всю недѣлю, по 200 и по 300 человѣкъ пріобщалось въ соборной церкви или за раннею обѣднею на вершинѣ скалы. Народъ собирается за 200 и 300 верстъ, чтобы только поговѣть на Св. горѣ, хотя имѣетъ сельскіе свои приходы. Вотъ что значитъ священное преданіе старины и обитель иноческая во время и на своемъ мѣстѣ устроенная! Это живой катихизисъ

для цѣлаго края. Давно ли обновились Св. горы и уже какъ широко распространился кругъ ихъ дѣйствій.

Архимандритъ показалъ мнѣ на вершинѣ скалы малую часовню, во имя Ангела моего первозваннаго Апостола, съ его иконою въ углубленіи утеса, какъ это обѣщалъ онъ мнѣ устроить за семь лѣтъ тому назадъ. Предъ иконою горитъ лампада, а на скалѣ написано большое распятіе, которое издалека видно съ противоположнаго берега рѣки; отъ сей часовни открывается чудный видъ на глубокую долину Донца. «Вы видите, что мы сдержали данное вамъ слово, сказалъ онъ, и мѣсто это слыветъ у насъ Андреевскою часовнею.»

Меня изумила позолота крыши и всѣхъ главъ горней церкви Николая Чудотворца на утесѣ, которая ярко горитъ отъ солнечныхъ лучей и придаетъ много красоты всей обители, какъ выспренній вѣнецъ ея на темени горъ. «Откуда такое обиліе золота? спросилъ я Архимандрита. или вы очень разбогатѣли въ эти семь лѣтъ?» «Нѣтъ, средства тѣже, отвѣчалъ онъ, но и не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ. Пріѣхала къ намъ одна больная помѣщица, подняла икону Чудотворца на скалу и, почувствовавъ облегченіе, призвала меня въ гостинницу «Вотъ вамъ двѣ тысячи рублей, сказала она, но съ однимъ условіемъ, чтобы вы все это употребили на позолоту верхней церкви Святителя.» Сколько я ни

представлялъ ей, что есть другія болѣе необхо димыя нужды въ обители, она настоятельно требовала чтобы выполнена была ея воля, и это случилось не безъ промысла Божія, потому что когда стали перемѣнять листы, оказалось, что подгнило совершенно дерево и необходимо было исправить крышу; такимъ образомъ этотъ нечаянный случай послужилъ не только на украшеніе, но и для пользы обители.»

Скажу вамъ, какъ Святогорцу, принимающему живое участіе въ обители, и о выборѣ мѣста подъ лѣтній соборъ, который теперь составляетъ предметъ особенныхъ попеченій настоятеля. Архимандритъ хочетъ имѣть обширную церковь для помѣщенія всѣхъ богомольцевъ въ Успенскій постъ. Я совѣтовалъ углубить далѣе въ гору новый соборъ и сдѣлать его какъ можно легче, чтобы соотвѣтствовалъ прочимъ зданіямъ, не гоняясь слишкомъ за просторомъ, который могутъ доставить терраса и хоры, при меньшихъ размѣрахъ храма; колокольню же поставить на заднихъ воротахъ, столпообразную. Церковь въ скиту уже отстроивается, во имя великаго Арсенія, и это будетъ самый отрадный пріютъ для любителей безмолвія иноческаго. Вотъ вамъ мой отчетъ о Св. горѣ. Оставляю теперь мирную обитель. Мнѣ предстоитъ шестинедѣльный курсъ Славянскихъ минеральныхъ водъ, не далѣе какъ за двадцать верстъ отсюда; но и тамъ я буду какъ въ обители, далеко отъ суетной жизни, не-

раздѣльной со всякимъ стеченіемъ народнымъ, потому что таже гостепріимная владѣлица, которая открыла мнѣ свое роскошное жилище на Св. горахъ, предложила и мирное уединеніе на своемъ хуторѣ или дачѣ, за четыре версты отъ Славянска.

СЛАВЯНСКЪ.

27-го Іюня 1858 г.

Собираясь оставить Славянскъ, чтобы продолжать мое странствіе въ Крымъ, рѣшаюсь написать о немъ хотя нѣсколько словъ. Разлука дѣлаетъ насъ болѣе снисходительными и потому, покидая навсегда мѣсто, гдѣ протекло однако до пяти недѣль жизни, съ невольнымъ упрекомъ спрашиваешь самъ себя: неужели мѣсяцъ времени, приблизившій насъ къ вѣчности, не оставилъ никакого впечатлѣнія? Такъ, оно осталось и было мирно; здѣшній лѣтній пріютъ мой напомнилъ мнѣ Останкино. Но я не въ Славянскѣ, а только близь него, въ трехъ верстахъ, въ уединенномъ хуторѣ Потемкиныхъ, не весьма поэтическомъ по названію Макатихи, но не лишенномъ поэзіи по своей гористой мѣстности, гдѣ есть и лѣса. Отсюда от-

крывается мнѣ Славянскъ, во всей красотѣ своей, на днѣ глубокой долины, какъ бы въ ущеліи, а вокругъ него необозримая степь, назнаменованная курганами, памятью мимотекшихъ ордъ. И утро и вечеръ любуюсь, съ моего балкона, живописною картиною сего мирнаго городка, который напоминаетъ мнѣ восточные. Бѣлая, высокая колокольня его собора представляется издали какъ бы тонкій минаретъ, а низкіе домики, промежду садовъ, довершаютъ восточный характеръ города; особенно хороша эта картина, когда сбѣгаетъ съ нее ранній золотистый туманъ, или когда румянитъ ее вечернее солнце.

Вотъ все, что могу сказать издали о Славянскѣ, а вблизи онъ не занимателенъ. Не спрашивай меня также, почему зовутъ его Славянскомъ? Мѣстные славянофилы, довольствуясь однимъ звучнымъ именемъ, не любятъ доходить до его источника и, безпечно купаясь въ соляныхъ водахъ своего озера, мало думаютъ о старинѣ. Я слышалъ однако, что озеро и самое мѣсто назывались прежде Торъ, и только въ началѣ нынѣшняго столѣтія прослыли Славянскомъ, вѣроятно по старой памяти Славяно-Сербскихъ поселеній въ сихъ мѣстахъ. Церковь временъ Елизаветы еще доселѣ стоитъ на мѣстѣ стараго Тора, но мнѣ отселѣ ее не видно, она ближе къ водамъ, во глубинѣ оврага. Опишу тебѣ мѣстность моего хутора, которая заслуживаетъ вниманія. Уединенный домикъ, весьма удобный для

сельскаго жилища, стоитъ въ полугорѣ; не большая слобода Макатихи спускается по зеленому наклону вдоль дороги къ Славянску; съ правой стороны глубокій оврагъ съ малымъ прудомъ, густо поросшій лѣсомъ, который теперь благоухаетъ цвѣтущими липами; позади дома маленькій вишневый садъ, а на лѣво высокій вѣтреный млинъ — эта неизмѣнная печать всѣхъ Малороссійскихъ усадьбъ; кругомъ та же необозримая зеленая степь, которая составляетъ вездѣ горизонтъ Украйны. Но есть въ окрестности довольно лѣсовъ по глубокимъ балкамъ, въ которыхъ можно найти много пріятныхъ прогулокъ.

Ты конечно спросишь меня о пресловутыхъ водахъ, которыми такъ славится Славянскъ; скажу лишь вкратцѣ, ибо я не докторъ, а только паціентъ и еще не совсѣмъ удачный, такъ какъ не по моему недугу пришлись воды; впрочемъ это ни сколько не умаляетъ ихъ достоинства. Разлагать ихъ химически не умѣю, а знаю только, что онѣ весьма дѣйствительны противъ золотухи и ревматизма, и отъ этихъ двухъ болѣзней по истинѣ бывали чудныя исцѣленія. Но я никакъ не согласенъ, чтобы Славянскія воды могли служить панацеемъ противу всѣхъ немощей человѣческихъ. Для окрестныхъ жителей можетъ служить пріятнымъ развлеченіемъ Славянскъ, если бы даже и не было имъ облегченія отъ болѣзней; для меня же онъ былъ только перепутьемъ въ Крымъ.

Три озера собственно составляютъ Славянскія воды, но одно изъ нихъ, избранное предпочтительно для соляныхъ заводовъ, пересыхаетъ; другое же, къ которому примыкаетъ казенный садъ, слишкомъ ѣдко для ранъ; на третьемъ, самомъ обширномъ, устроено заведеніе четвероугольное, съ выступами для осьми ваннъ съ каждой стороны. Еще десять ваннъ для холоднаго купанья устроены на озерѣ, изъ котораго накачиваютъ воду въ теплыя; но надобно однако быть весьма осторожнымъ въ постепенности градусовъ, при переходѣ изъ теплыхъ въ холодныя, чтобы не простудиться. Садъ вокругъ заведенія еще не разросся и потому нѣтъ возможности гулять въ знойный день; это большой недостатокъ, который только время можетъ исправить. На противоположномъ берегу озера устроены другія купальни для военныхъ чиновъ, которыхъ ежегодно сотнями сюда присылаютъ, при особомъ врачѣ, для пользованія водами. Скажу и другую благотворительную сторону Славянскихъ водъ: сюда приходятъ или привозятъ много страждущихъ золотухою и ревматизмомъ, которые, будучи лишены всякихъ средствъ, содержатся милосердіемъ здѣшняго человѣколюбиваго общества и посѣтителей, подъ надзоромъ главнаго врача К*** весьма благочестиваго; это христіанское попеченіе по истинѣ дѣлаетъ честь Славянску.

Скажу тебѣ нѣсколько словъ и о моемъ образѣ жизни, въ теченіе цѣлаго мѣсяца, совершен-

но пустынномъ. Макатиха настоящій скитъ, только къ сожалѣнію безъ церкви, и это лишеніе весьма чувствительно, потому что ѣздить въ городъ далеко. Я былъ даже вынужденъ просить священника Введенской церкви, болѣе близкой къ водамъ, служить для меня каждую среду раннюю обѣдню. Церковь сія, трехъ-придѣльная, носитъ весь характеръ временъ Елисаветы и не лишена воспоминаній историческихъ: въ ней стояло одну ночь тѣло блаженной памяти Императора Александра, на пути изъ Таганрога, и въ церкви даже сохранился гробовой катафалкъ. Сколькихъ тяжкихъ думъ, сколькихъ слезъ былъ свидѣтелемъ уединенный храмъ сей, въ ту печальную ночь, когда отдыхалъ въ немъ смертнымъ сномъ умиротворитель Европы; еще тогда свѣжо было впечатлѣніе кончины Благословеннаго! Славянскъ былъ только вторымъ городомъ, на погребальномъ шествіи чрезъ все необъятное его царство, внезапно покрывшееся трауромъ на протяженіи нѣсколькихъ тысячь верстъ. Сколько именитыхъ лицъ Русской державы собрано было въ этомъ смиренномъ храмѣ, а теперь, памятникомъ всего бывшаго въ немъ величія, остался одинъ катафалкъ!

Говоря о храмахъ, которыхъ здѣсь три (еще соборъ, во имя Св. Троицы, устроенный усердіемъ здѣшняго гражданина, и кладбищенская церковь), нельзя не упомянуть о благочестіи жителей и стройномъ чинѣ богослуженія, которому

удовлетворяетъ полный клиръ. Въ соборѣ, гдѣ два причта, образовался чудный хоръ изъ однихъ церковниковъ, по необычайной звучности голосовъ Малороссійскихъ, который бы пріятно было слышать и въ большомъ городѣ. По праздникамъ, предъ началомъ литургіи, всегда читается акаѳистъ Матери Божіей, а на концѣ каждой службы особая молитва предъ ея иконою неопалимой Купины, по случаю избавленія города отъ страшнаго пожара. Множество хоругвей составляетъ украшеніе здѣшнихъ храмовъ и придаетъ особое величіе крестнымъ ходамъ; таковъ былъ ходъ при открытіи водъ 1-го Іюня. Отъ большаго количества собранныхъ хоругвей казалось, что много духовенства въ немъ участвуетъ, хотя не болѣе трехъ священниковъ совершали молебствіе на водахъ озера и окропляли ванны для исцѣленія болящихъ. Мнѣ нравится еще одинъ обычай, сохранившійся въ здѣшнихъ церквахъ и вообще въ Малороссіи и на югѣ Россіи: здѣсь надъ каждымъ жертвенникомъ есть сѣнь, въ видѣ шкафа, для соблюденія церковныхъ сосудовъ отъ пыли; это весьма прилично и даже полезно, потому что можно ихъ запирать. На эктеніяхъ поминаются не одни лишь имена усопшихъ, но молятся и о здравіи предстоящихъ по именамъ, и включаются молитвы о болящихъ и путешествующихъ: такимъ образомъ вся церковь участвуетъ въ общей о нихъ молитвѣ и это общеніе утѣшительно. Много еще про-

стоты душевной и близкихъ сердцу обычаевъ сохранилось въ Малороссійской Церкви. Отрадно было мнѣ, наканунѣ большихъ праздниковъ, ѣздить отсюда въ Св. горы, которыя отстоятъ только за восемьнадцать верстъ; тамъ, въ пустынной обители, наслаждался я полнымъ благолѣпіемъ церковной службы и поднимался, для молебновъ, на чудную скалу съ иконою Святителя: такія поѣздки оставляли всегда утѣшительное воспоминаніе въ сердцѣ и умиротворяли душу.

Когда мы пріѣхали въ Славянскъ, въ исходѣ Мая, то не смотря на холодное время и частыя непогоды, неумолкаемое пѣніе соловьевъ еще оглашало садъ и чащу лѣса, въ глубокомъ оврагѣ близь нашего сельскаго пріюта; здѣсь только могъ я вполнѣ оцѣнить всю сладость сего пѣнія. Украинскій хоръ сихъ доброхотныхъ пѣвцевъ потѣшалъ насъ и днемъ и ночью, такъ что не было даже слышно другой птицы, все умолкало предъ симъ музыкальнымъ созданіемъ; но въ половинѣ Іюня, какъ бы по данному знаку, внезапно всѣ соловьи замолкли; ихъ замѣнили иволги и кукушки, которыя грустно кукуютъ подъ нашимъ окномъ.

Здѣсь каждое утро будто дышетъ молодостію: еще не успѣетъ солнце обогрѣть влажнаго поля, которое все искрится крупными каплями росы, какъ мы уже подымаемся для пяти - верстнаго странствія по степи въ Славянскія купальни. Я довольно люблю эти раннія прогулки: все бла-

гоухаетъ, еще не успѣлъ выдохнуться ароматъ безмятежной ночи; есть особый запахъ колосящагося поля, чрезъ которое мы проложили себѣ тѣсную межу, есть и свой запахъ скошенной степи; но еще благовоннѣе сія степь, во всей ея дикости, тамъ гдѣ оставлена она для необъятнаго пастбища безчисленныхъ овецъ и воловъ; дико бродятъ по ней ихъ бѣлыя стада промежду разбросаныхъ кургановъ. Божья трава благоухаетъ по всей степи, какъ бы извлекая изъ земли ѳиміамъ кадильный, во славу Творца, за чудную красоту Божьяго міра, и посреди безмолвія утренней природы, раздается звонкая пѣснь жаворонка, теряющагося во глубинѣ безоблачнаго неба. По этимъ свѣжимъ степямъ между сторожевыхъ кургановъ, спускаемся мы къ водамъ, и намъ живописно прорѣзывается изъ тумана бѣлый Славянскъ съ своими озерами и садами.

При наступленіи вечера люблю я, на легкомъ конѣ, стремиться во глубину рощи, чтобы тамъ искать себѣ прохлады послѣ знойнаго дня и подышать благовоніемъ липъ, онѣ сходятся густыми сводами надъ узкой тропою и какъ бы посѣдѣли отъ своего обильнаго цвѣта; но когда я сюда пріѣхалъ, еще только цвѣли акаціи и не было колосьевъ въ полѣ; все это зеленѣло и разцвѣло предъ моими глазами, напоминая о скоротечности жизни, какъ тѣ новыя поколѣнія, что вытѣсняютъ наше съ лица земли.

Не подумай однако, чтобы я праздно прово-

дилъ время промежду безпечнаго купанья и созерцанія природы; нѣтъ я не потерялъ здѣсь мѣсяца жизни и многое написалъ, между прочимъ двѣ статьи французскія, для моихъ Question religieuse d'Orient: одно есть обличеніе на латинское исповѣданіе вѣры бывшаго діакона Английскаго Пальмера, которое изложилъ онъ, себѣ въ оправданіе, при переходѣ въ Римскую Церковь. Не странно ли, что мнѣ довелось писать сію статью въ томъ самомъ Славянскѣ, гдѣ въ 1851 году я съ нимъ прощался и такъ усердно убѣждалъ его принять православіе? Предприму ли что либо писать въ Крыму? незнаю что еще внушатъ мнѣ и море и горы.

Не подумай также, чтобы уединенная Макатиха, въ смиренной своей неизвѣстности, оставалась безъ посѣтителей; кромѣ пріятныхъ гостей, которые отъ времени до времени пріѣзжаютъ изъ знойнаго города, подышать горнымъ воздухомъ этой Славянской Швейцаріи, здѣсь посѣтилъ меня на перепутіи въ Грузію, новый ея Экзархъ. Нѣсколько отрадныхъ часовъ провелъ я въ его пастырской бесѣдѣ, и мы взаимно помѣнялись впечатлѣніями тѣхъ мѣстъ, которыя видѣли, ибо ему любопытны были свѣденія о Грузіи, а для меня о западной Руси. Утѣшительно встрѣчаться, на пути жизни, съ такими добрыми пастырями каковъ сей Экзархъ, достойный преемникъ прежняго.

Здѣсь ожидалъ я встрѣтить и радушную вла-

дѣтельницу сихъ мѣстъ, чтобы благодарить ее за гостепріимный пріютъ на Св. горахъ и въ Славянскѣ, но время не позволяетъ медлить. Грустно и то, что меня здѣсь не застанетъ заочный мой крестникъ, Султанъ К***-Г****, тебѣ извѣстный по его христіанскимъ письмамъ. Одно изъ нихъ прилагаю тебѣ въ утѣшеніе и въ назиданіе природнымъ Христіанамъ, отъ новопросвѣщеннаго ихъ собрата. Быть можетъ мы встрѣтимся съ нимъ на пути въ Таганрогъ, ибо тутъ пролегаетъ дорога съ Кавказа, или быть можетъ, какъ потомокъ Гиреевъ Крымскимъ, рѣшится онъ посѣтить меня въ бывшей колыбели своихъ предковъ, и будетъ со мною при заложеніи храма равноапостольнаго Владиміра, надъ развалинами древняго Херсониса, близь новѣйшихъ развалинъ Севастополя.

ПИСЬМО

ОБРАЩЕННАГО МАГОМЕТАНИНА КЪ КРЕСТНОМУ ОТЦУ.

Вчера причастился я Св. таинъ и сегодня послѣ заутрени спѣшу поздравить тебя, мой крестный отецъ, съ принятіемъ божественныхъ таинъ; со мною вмѣстѣ поздравляетъ тебя и жена моя, которая также говѣла.

Передъ масляной я былъ въ своемъ аулѣ у матери, съ тѣмъ чтобы сырную недѣлю и постъ встрѣтить вмѣстѣ съ своимъ христіанскимъ семействомъ, и потому собрался въ понедѣльникъ выѣхать изъ аула, но мать просила меня остаться этотъ день у нее, и я согласился исполнить ея желаніе. Увѣренный, что долженъ буду ѣсть мясо, я былъ удивленъ вниманіемъ и предупредительностію моей старухи Магометанки къ сыну Христіанину, въ отношеніи его обязанностей для соблюденія правилъ нашей православной Церкви; она, вмѣсто мяснаго, накормила меня сырнымъ: яицами и молокомъ. Благодаря за такое

вниманіе, я говорилъ ей: «зачѣмъ безпокоилась приготовленіемъ для меня особенной пищи, когда я, живя съ Христіанами, въ эти дни ѣмъ мясо, ибо и другіе то же дѣлаютъ?» На это она мнѣ сказала: «что учила меня соблюдать правила своей религіи, по ея разумѣнію; теперь же считаетъ себя обязанною помогать мнѣ соблюдать обряды вѣры, которую я исповѣдую.» Однако мать, хотя и учила меня молитвамъ, но никогда настойчиво не требовала держать Рамазанъ и сама допускала меня къ свободной ѣдѣ. Не есть ли Божій промыселъ такое вниманіе Магометанки къ сыну Христіанину, въ отношеніи соблюденія правилъ и постановленій православной Церкви? и по чему знать: быть можетъ въ будущемъ заключается, въ этой предупредительности ко мнѣ, ея будущее спасеніе, исповѣданіемъ Христа, хотя предъ закатомъ ея жизни, приближающейся къ дверямъ могилы.

Мать моя имѣетъ во мнѣ сердечно роднаго между Христіанами, а я только имѣлъ между ними пріятелей и изъ нихъ полюбилъ тебя; любя же тебя, полюбилъ твоего ангела Первозваннаго, и полюбивъ Апостола, возлюбилъ самаго Бога и Спаса нашего Іисуса Христа. Можетъ быть, онъ милосердый, внушившій матери моей во снѣ, чрезъ своего невѣдомаго ей Святаго, что изъ ея будущихъ дѣтей одинъ будетъ принадлежать Христу Спасителю, и теперь внушитъ ей, не разлучаться съ своимъ единственнымъ сыномъ въ будущей жиз-

ни и обрѣсти Христа, ради своего спасенія. Молись, другъ мой, вмѣстѣ со мною, чтобы исполнилась надъ нею благодать Божія, какъ это случилось и со мною. Случай, что я, по предупредительности Магометанки, началъ мясопустъ, заставилъ меня, какъ слѣдуетъ и сколь возможно, соблюдать и другія постановленія Церкви. Не знаешь, гдѣ и отъ кого получишь поученіе, желаемое для спасенія, ибо Богъ вездѣ предупреждаетъ насъ, указуя для того средства, но только нужно ловить ихъ во время и поучаться утверждать свое вѣрованіе на пути спасенія. Могъ ли я, за нѣсколько лѣтъ, предполагать, что въ томъ мѣстѣ, подъ тою кровлею и отъ той хозяйки, найду себѣ подпору въ соблюденіи правилъ христіанскихъ, гдѣ еще такъ недавно коснѣлъ въ невѣріи о воплощеніи Бога, ради нашего спасенія? Когда поищешь на пыльныхъ полкахъ своей памяти, находишь много и много случаевъ, не видѣнныхъ и не узнанныхъ нами, въ которыхъ заключалось однако столько предметовъ, предупреждавшихъ насъ спѣшить отыскивать путь къ спасенію! Потому-то надежда моя укрѣпляется вѣрованіемъ, что Господь не дастъ моей матери закрыть глаза, не исповѣдавъ Христа Спасителя.

Жена моя много способствуетъ мнѣ утверждаться въ вѣрѣ и благодарю милосерднаго Бога, что онъ далъ мнѣ такую добрую жену. Не смотря на свою слабость, она, стоя, прочитала для

меня правила предъ Св. причастіемъ. Въ этомъ также усматриваю промыселъ Божій, ибо безъ этой добродѣтельной женщины, по несоблюденію мною правилъ церковныхъ и вообще по моей грѣховной жизни, мало бы произошло перемѣны во мнѣ, слѣдуя общепринятымъ привычкамъ нашихъ офицеровъ и вообще людей, говорящихъ, что это слишкомъ строго и лишнее. Такъ, мой добрый другъ, все способствуетъ моему утвержденію въ вѣрѣ и дай Богъ, чтобы я болѣе и болѣе укрѣплялся въ оной и въ соблюденіи правилъ Св. Отецъ. Молись за меня и за жену.

Посылаю къ тебѣ два письма отъ старообрядца, бывшаго полковаго адъютанта и очень любимаго мною, на котораго благотворно подѣйствовала книга «исторія раскола». Рекомендую тебѣ его и прошу оказать ему христіанскую любовь, какъ человѣку ищущему спасенія; онъ скоро будетъ въ Петербургѣ и явится къ тебѣ. Книга сія мало по малу оказываетъ свое дѣйствіе, и на дняхъ я имѣлъ случай видѣть это на самомъ дѣлѣ; одинъ изъ числа раскольниковъ говорилъ мнѣ о своемъ желаніи оставить заблужденіе, но еще нѣтъ въ немъ твердой рѣшимости къ исполненію, и этому причиною ложный стыдъ, удерживающій многихъ сдѣлать смѣлый шагъ ко спасенію. Господь милосердъ и умягчитъ закоренѣлое упорство не дающее познать истину; мало по малу они обратятся къ своей матери Апостольской Церкви, которая приметъ ихъ въ свои объятія,

какъ нѣкогда родитель принялъ своего блуднаго сына послѣ его раскаянія. Подождемъ и станемъ за нихъ молится и Господь услышитъ наши молитвы!

Въ настоящую минуту занимаетъ мою мысль и воображеніе сильное желаніе обновить, на рѣчкѣ Шонѣ, древнюю церковь, обломокъ которой у тебя есть, и увидѣть въ ней молящихся монаховъ и мірянъ, возсылающихъ хвалу Тому, кто выше всякой хвалы и всякаго выраженія и сравненія на языкѣ человѣческомъ, но приблизительно понятенъ сердцу и благоговѣйнымъ чувствамъ.

9 Февраля 1858 г.
Станица Баталь-Пашинская.

Еще было бы лучше если бы можно писать: обитель Первозваннаго на рѣчкѣ Шонѣ.

СИМЕИСЪ.

26-го Іюня 1858 г.

Если бы недугъ не приковывалъ меня къ моей террасѣ на большую часть дня, и если бы не безсонны были для меня Крымскія ночи, отъ волненія крови въ душномъ воздухѣ, мнѣ бы конечно отраднымъ представлялся уединенный пріютъ мой въ Симеисѣ. Здѣсь, въ бывшемъ жилищѣ Потоцкихъ, посреди лавровой рощи на холмѣ, обросшемъ кипарисами и платанами, маслинами и гранатами, наслаждаюсь я всею роскошью южной природы. Море чуть видно сквозь чащу лавровъ и кипарисовъ, хотя оно и близко, и кое-гдѣ лишь проглядываетъ въ темной ихъ окраинѣ; но мнѣ слышенъ шумный его голосъ, особенно сегодня, когда бушуетъ оно бѣлыми валами по тревожной синевѣ, и вторитъ роскошная дуброва широко шумящему морю. Много

поэзіи въ этой взаимной бесѣдѣ двухъ стихій; земля однако умолкаетъ, если слишкомъ громко заговоритъ море; все смиряется предъ ужасомъ его величія, но и оно смиряется предъ Тѣмъ, кто положилъ ему гранію утлый песокъ.

Есть и еще одинъ голосъ, но уже человѣческій, который нарушаетъ для меня пустынное безмолвіе: это голосъ Муеззима изъ сосѣдняго селенія Татарскаго Симеиса; постоянно, пять разъ въ день, и утромъ и вечеромъ, скликаетъ онъ къ молитвѣ, превозглашая единство Аллаха съ вершины своего убогаго минарета. Мнѣ его также не видно сквозь чащу, ибо надъ лаврами синѣетъ только темное небо юга и высятся верхи утесовъ, гранитной стѣною сходящихъ къ Лименамъ. Дики эти звуки Муеззима, но они отрадны душѣ, какъ голосъ молитвы, хотя и чуждой, ибо иногда напоминаютъ о ней и Христіанину, возбуждая благодарить Творца за то, что не далъ намъ коснѣть во тьмѣ невѣжества духовнаго и просвѣтилъ насъ благодатнымъ явленіемъ Искупителя. Тогда невольно пробуждается молитва и о тѣхъ, которые, будучи лишены сего блага, напоминаютъ намъ однако о молитвѣ, дабы и ихъ въ свое время просвѣтилъ Господь.

Не слышно здѣсь ни одной птички, которая бы веселымъ пѣніемъ освѣжала душу, но жужжаніе безчисленныхъ насѣкомыхъ въ густыхъ вѣтвяхъ, такъ наполняетъ воздухъ во всѣ минуты дня и ночи, что къ сему шуму невольно

привыкаетъ слухъ, какъ будто все совершенно тихо; но это постоянное жужжаніе дѣйствуетъ однако на нервы и желалось бы хотя одной минуты той сельской тишины, которая такъ успокоительна въ болѣе средней полосѣ; южная природа томитъ иногда самою своею роскошью; я бы промѣнялъ ее на одну Украинскую ночь съ ея соловьями, которыми такъ наслаждался весною. Но сюда всякую ночь прилетаетъ незванная гостья, сова, садится на сосѣднiй лавръ или кипарисъ и, пронзительными звуками своей ночной пѣсни, не слишкомъ тѣшитъ безсоннаго. Здѣсь называютъ эту вѣщую птицу совершенно наизворотъ: *сплю*, когда, напротивъ, она только будитъ спящихъ, но на южномъ берегу, ради лавровъ и кипарисовъ, надобно мириться и съ совою.

Лавры и кипарисы! Ахъ, не есть ли это выраженіе нынѣшняго грустнаго впечатлѣнія Крыма, послѣ страшнаго побоища Севастопольскаго? Много тамъ было лавровъ, но еще болѣе кипарисовъ! Вотъ по чему невольно сжимается сердце на самыхъ отрадныхъ, по красотѣ своей, мѣстахъ южнаго берега, при одномъ воспоминаніи о Севастополѣ! Все къ нему влечетъ, какъ бы теченіемъ береговымъ въ неизбѣжную пучину, и его роднымъ пепломъ, далеко разносимымъ, мысленно посыпано все поморіе, какъ лавою и пепломъ Везувія засыпались окрестные города. Не тотъ это уже Крымъ, которымъ восхищался я за десять лѣтъ предъ симъ, отъ края

его и до края, отъ Керчи до Севастополя. Та же чудная природа, но по ней какъ бы простерся саванъ, объемлющій поморіе, какъ эти дымныя облака, которыя бродятъ около вершины Яйлы, спускаясь туманами въ долины. На всемъ лежитъ еще страшная рука минувшаго; по всему берегу говорятъ о Французѣ, пренебрегая Англичаниномъ, какъ будто бы сюда, на мирный дотолѣ берегъ Тавриды, спустился, съ возвышенной полосы средней Россіи, незабвенный нашъ *двѣнадцатый годъ*. Но взрывъ Севастополя не есть пожаръ Москвы! Сквозь ея зарево сіяли намъ, своими крестами, златоглавые ея соборы, ободряя насъ напоминовеніемъ Творческихъ словъ разъяренному морю: «до сего дойдеши и не прейдеши, но въ тебѣ сокрушатся волны твоя.» (Іов. XXXVIII, 11.) Къ сердцу Руси хлынула ея кровь и, опять отхлынувъ отъ сердца, однимъ порывомъ стерла враждебную стихію съ лица родной земли.

А здѣсь, одинокія мачты потопленныхъ судовъ въ заливѣ Севастополя, гласятъ еще о гибели нашего флота. Съ обѣихъ сторонъ сего залива неотпѣтыя могилы и самъ онъ, какъ бездонная могила, хотя и много славы яркимъ заревомъ осіяло это страшное тризнище, гдѣ все, что только люди могли изобрѣсти адскаго для взаимнаго истребленія, было ими изобрѣтено, и отъ столькихъ здѣсь столпившихся ужасовъ осталась только одна ужасная память того, что совершилось! Доколѣ еще зіяетъ кровавая

пасть Севастополя, съ своею разбитою челюстью, нѣтъ мира Русскому сердцу, хотя бы наслаждалось оно всѣми красотами южнаго берега, и вотъ почему такъ грустно его впечатлѣніе тому, кто зналъ его прежде.

Если однако могутъ быть занимательны впечатлѣнія, хотя и тяжкія, которыя произвелъ на меня многострадальный Севастополь, я изложу, скрѣпясь духомъ, то, что выстрадало мое сердце при обозрѣніи его развалинъ. По глубокому выраженію пѣвца Ада, я буду, какъ тотъ человѣкъ, который плачетъ и говоритъ:

«Faro come colui che piange e dice.»

Canto V.

ВПЕЧАТЛѢНІЕ СЕВАСТОПОЛЯ.

Какъ только отъ великолѣпныхъ воротъ южнаго берега, поставленныхъ на горномъ хребтѣ, спустились мы въ зеленую Байдарскую долину, уже стали показываться слѣды бывшаго здѣсь непріятеля. На станціи случайно встрѣтился я съ Княземъ Д........ъ, ѣхавшимъ изъ Севастополя, и онъ мнѣ передалъ планы города и окрестностей, составленные послѣ осады; планы сіи мнѣ послужили дорогою къ объясненію мѣстности, ознаменованной военными дѣйствіями. Въ долинѣ Арнаутской, предъ входомъ въ ущеліе рѣчки Шули, остатки кавалерійскихъ бараковъ показываютъ, какъ далеко стояли передовые посты Англичанъ. Всѣ высоты, отъ ущелія къ селеніямъ Комары и Кади-кіой, обозначены бывшими ихъ лагерями и видны обширныя конюшни кавалеристовъ; въ раззоренномъ теперь селеніи Комары помѣщался Англійскій штабъ.

Тутъ, на высотахъ Кади-кіоя, одно отрадное воспоминаніе освѣжаетъ душу: это память блистательнаго кавалерійскаго дѣла Генерала Липранди, который нечаяннымъ отважнымъ натискомъ, откинулъ непріятеля къ Балаклавѣ и, еще не много, то довершилъ бы славный подвигъ, потому что уже задымились пароходы, наполнявшіе Балаклавскую бухту и непріятель готовъ былъ жечь то, чего не могъ спасти изъ своего флота, думая, что всѣ Русскіе силы на него нахлынули. Но если славно воспоминаніе сей битвы, грустно обратить взоры вправо отъ дороги на такъ называемыя Ѳедюхины высоты, горько ознаменованныя неудачнымъ нападеніемъ 4 Августа, когда на нихъ укрѣпился уже непріятель. Тутъ, въ несчастной битвѣ, палъ Реадъ, рыцарь по духу, и Вревскій, и съ ними много храбрыхъ, достойныхъ лучшей участи.

Изъ селенія Кади-кіоя, гдѣ теперь станція, заглянули мы въ Балаклаву, которая такъ прославилась въ послѣднюю войну, будучи забыта со временъ Генуэзскихъ. Тамъ была главная пристань Англичанъ, вмѣщавшая нѣсколько сотъ пароходовъ и мелкихъ судовъ; входили въ нее и стопушечные карабли, не смотря на тѣсноту залива; все тутъ кипѣло жизнію и Греческій городокъ казался однимъ изъ знаменитыхъ портовъ Англіи. Еще сохранился обширный деревянный помостъ, у котораго приставали суда близь са-

маго берега, по глубинѣ бухты; видны и остатки желѣзной дороги, которая отсюда шла въ лагери подлѣ уцѣлѣвшаго шоссе. Нѣсколько пушекъ могли бы заградить входъ цѣлому флоту въ сію пристань, укрѣпленную самою природою, ибо двѣ мѣдныя пушки Греческаго баталіона испугали тутъ цѣлую Англійскую армію, выстрѣлами изъ Генуэзскихъ башень.

Самыя ихъ развалины, на устьѣ Балаклавскаго залива, свидѣтельствуютъ какъ дорого цѣнили мореходцы Генуи сію незначительную по видимому бухту, которая представила столько удобствъ совершеннѣйшему изъ новѣйшихъ флотовъ; но, обладая великолѣпною пристанью Севастополя, мы пренебрегли убогую Балаклаву, предоставя ее рыбарямъ Греческимъ. Кому приходило на мысль, что она когда либо будетъ имѣть столь важное значеніе въ воинской лѣтописи?

Отъ Балаклавы почтовая дорога къ Севастополю идетъ по тому шоссе, которое провели Англичане къ своему главному штабу; оно соединялось также съ другимъ Французскимъ шоссе, направленнымъ къ Камышевой бухтѣ, гдѣ внезапно возникъ во время осады, какъ бы по волшебному манію, цѣлый городокъ, со всѣми житейскими прихотями. Странно нестись на Русской тройкѣ, съ колокольчикомъ, по сему враждебному шоссе, промежду остатковъ огромныхъ лагерей и непріятельскихъ кладбищъ. Вмѣсто чичероне служитъ Русскій ямщикъ, который ра-

внодушно указываетъ кнутомъ на исполинскія становища и на мѣста еще болѣе исполинскихъ битвъ; онъ олицетворялъ всѣ воинскія массы однимъ собирательнымъ именемъ: «Англичана или Француза», по мѣрѣ того, какъ обозначались ихъ лагери или кладбища на право и на лѣво отъ дороги, и никогда не называлъ ихъ во множественномъ числѣ. Это были какъ бы два страшные призрака завѣтнаго пути развалинъ. «Здѣсь стоялъ Агличанъ, кратко говорилъ ямщикъ, вотъ его конюшня а вотъ его и кладбище; такихъ много по дорогѣ.»

Страшно сказать, что до ста восьмидесяти иновѣрныхъ кладбищь сдано было, по заключеніи мира, великодушному попеченію бывшихъ враговъ, хотя и оскорбленныхъ на родной своей землѣ, гдѣ теперь тлѣютъ кости ея опустошителей. Устлали же и они своими костями землю Русскую, и не даромъ! — Всѣ кладбища однообразно обнесены четвероугольною стѣнкою, съ памятниками весьма скромными внутри и съ надписями полковъ, которые здѣсь улеглись на вѣчный покой. На офицерскихъ гробницахъ есть иногда камни съ родственными эпитафіями. Надъ входомъ одного изъ такихъ кладбищь, гдѣ Англійская позиція сближалась съ Французскою, написано: «Respect aux morts.» А сами они развѣ уважали усопшихъ, и еще какихъ именитыхъ, даже во время перемирія! Кто святотатно коснулся гробницъ нашихъ славныхъ Адмираловъ, посреди основанія начата-

го храма? это не сдѣлали бы и самые Турки, болѣе уважающіе святость могилъ.

На половинѣ дороги къ Севастополю, дача Бракера, гдѣ умеръ Англійскій главнокомандующій Лордъ Рагланъ и тутъ же былъ погребенъ близь сада. Впослѣдствіи тѣло его перевезено въ Англію, но сохранился памятникъ, а въ той комнатѣ, гдѣ скончался, мраморная доска свидѣтельствуетъ о печальномъ событіи для Англичанъ. Ихъ путешественники посѣщаютъ уединенную дачу; такъ уважаютъ они своихъ.

Влѣво отъ шоссе стояла главная квартира Французскаго вождя Пелисье и съ этихъ высотъ начинаетъ уже открываться бѣдственный Севастополь; скрѣпя сердце мы къ нему спускались. Отъ четвертаго бастіона, одного изъ самыхъ обширныхъ, который стоялъ на оконечности южной бухты и ограждалъ городъ съ югозападной стороны, открылась намъ вся ужасная картина опустошенія. Этотъ бастіонъ былъ, по своей мѣстности, постоянною цѣлію приступовъ, почти во все время осады, доколѣ наконецъ враги не обратились болѣе на востокъ, къ Малахову кургану.

При первомъ взглядѣ на городъ, нельзя повѣрить совершенному его раззоренію, видя еще стоящія зданія на высотѣ холма и вокругъ его подошвы; но это лишь бѣлый призракъ, тѣнь отжившаго Севастополя! Издали только еще существуетъ, для глазъ, на сквозь прострѣленный

его остовъ, въ которомъ нѣтъ живаго мѣста; но если присмотришься, то взору предстанутъ одни лишь голыя трубы и разбитые своды, или стѣны съ зіяющими окнами, изъ которыхъ дико выглядываетъ водворившаяся въ нихъ смерть. Здѣсь самое ужасное ея торжество, которому едва ли имѣла подобное отъ начала міра: здѣсь она пожирала въ день по двѣ тысячи труповъ, бросаемыхъ ей не какою-либо всенародною язвою, но рукою человѣческою, при помощи самыхъ адскихъ орудій, какія только могли вымыслить, въ новѣйшія времена, наиболѣе образованные люди для взаимнаго истребленія! И это повторялось не день и не два, какъ случается на поляхъ битвы, но въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ! Есть ли еще гдѣ, въ лѣтописяхъ всемірныхъ, что-либо подобное сему кровавому тризнищу?

Сердце обливается кровію при въѣздѣ въ городъ, который еще такъ недавно былъ и котораго теперь уже нѣтъ, хотя еще весь онъ какъ бы стоитъ предъ вами. Это впечатлѣніе Помпеи вырытой изъ подъ пепла Везувія! А здѣсь, сколько тысячь огнедышущихъ жерлъ, извергали адскую свою лаву на родную нашу, обреченную гибели Помпею! Мы въѣхали въ этотъ опустѣвшій градъ гробовъ нашихъ братій, (по выразительному слову Св. Писанія, Неем. II, 3.) между 4-мъ и 5-мъ бастіонами, мимо такъ называемаго Шварцова редута, ибо здѣсь имена ихъ строителей, или витязей болѣе отличившихся на мѣстѣ жестокаго боя, ознаме-

новывали самыя мѣста. Вокругъ были однѣ лишь развалины: ни одного цѣлаго зданія, ни живой души, у кого бы спросить: что̀ это за обломчи? Я опять обратился къ ямщику, какъ единственному указателю печальной мѣстности. Такъ и въ Помпеѣ, на каждомъ шагу, спрашивалъ я своего вожатаго: «какое это зданіе?» Но тамъ мнѣ говорили о томъ, что случилось за тысячу восемьсотъ лѣтъ и, не смотря на то, еще цѣлы были жилища давно отжившихъ поколѣній; а здѣсь современникъ разсказывалъ мнѣ о разрушеніи, которое представлялось какъ бы уже совершившимся за тысячу лѣтъ.

Вправо и влѣво двѣ пустынныя улицы, бывшія Екатерининская и Морская, соединяющіяся у Графской пристани, огибали высокій холмъ Севастополя, какъ бы Акрополисъ какого-либо древняго города. Холмъ сей доселѣ увѣнчанъ великолѣпнымъ зданіемъ бывшей библіотеки, которая лучше другихъ сохранилась хотя и на высотѣ, потому что выстрѣлы непріятеля были направлены не въ зданія, а въ людей, укрывавшихся внизу около холма. Безъ сомнѣнія, мысль о Акрополисѣ Аѳинскомъ не чужда была нашему славному Адмиралу Лазареву, напитанному классическимъ чтеніемъ древнихъ; ему былъ обязанъ Севастополь своимъ кратковременнымъ блескомъ, ибо морской витязь любилъ памятники древности; тутъ же на холмѣ, подлѣ самой библіотеки, соорудилъ онъ Аѳинскую башню вѣтровъ, съ ея

сѵмволическими изваяніями, которая доселѣ уцѣлѣла, а въ полугорѣ церковь Святыхъ Апостоловъ, по образцу Тезеева храма. Началъ онъ воздвигать, изъ великолѣпнѣйшаго мрамора Италіи, и храмъ святому просвѣтителю Руси Владиміру, не на развалинахъ однако Херсониса, по пристрастію своему къ Севастополю. Думалъ ли онъ, что недовершенный храмъ сей сдѣлается собственною его усыпальницею, гдѣ возляжетъ самъ посреди трехъ храбрыхъ своихъ сподвижниковъ? Памятникъ морской доблести Козарскаго, также во вкусѣ древнихъ, былъ имъ поставленъ на самой оконечности сего Акрополиса, чтобы издали поражалъ взоры съ моря, какъ на Аттическомъ мысѣ Суніума видна была гробница Ѳемистокла. Что̀, если бы внезапно поднялся герой нашъ Лазаревъ, и увидѣлъ вокругъ себя разрушѐніе всего того, что созидалъ онъ съ такою любовію въ теченіи многихъ лѣтъ! Но если мужественное его сердце, привыкшее къ ужасамъ битвъ и къ разгрому бойницъ, могло бы вынести горькое впечатлѣніе сихъ развалинъ, въ надеждѣ на ихъ обновленіе, то не перенесло бы оно невозвратной утраты своего флота! Морской витязь отвратилъ бы лице свое отъ торговаго Севастополя, тамъ, гдѣ съ юныхъ дней, воинская душа его наслаждалась только гуломъ ратнымъ!

«Какое это было зданіе, все прострѣленные?» спросилъ я опять моего чичерони. «Это театръ»

отвѣчалъ онъ; «а подлѣ?»—«костелъ.» И то и другое намъ не сродны, подумалъ я; но, по мѣрѣ того какъ подвигался по раззоренной улицѣ Екатерининской, все болѣе и болѣе сжималось сердце, отъ невыносимаго зрѣлища разбитыхъ домовъ. Можно помириться съ видомъ развалинъ давно минувшихъ, но видѣть ихъ еще въ населенномъ городѣ, это слишкомъ дико и больно. Изъ уцѣлѣвшихъ, или вѣрнѣе сказать, изъ обновленныхъ домовъ, я видѣлъ на Екатерининской улицѣ только почтамтъ и домъ гдѣ живетъ командиръ порта и башню адмиралтейства, съ которой сняли городскіе часы на квартиру Французскаго начальника Пелисіе: такъ поступали Французы и въ 1812 году. Все прочее пробито ядрами и бомбами, какъ источаются червями плоть и кости: едва ли обрѣтутся и въ могилѣ такіе угрызатели? Домъ гдѣ жилъ сперва, близь адмиралтейства, начальствовавшій Графъ Остенъ-Сакенъ, много пострадалъ, потому что тутъ, ближе къ южной бухтѣ, было открытое мѣсто, между 3-мъ и 2-мъ бастіонами; въ этомъ промежуткѣ непріятельскія баттареи, съ Зеленой горы, могли свободно направлять свои выстрѣлы въ любое зданіе, особенно когда былъ оставленъ Камчатскій редутъ, необходимый для защиты Малахова и всей бухты; это мѣсто сдѣлалось самымъ опаснымъ въ городѣ.

Теперь мы спокойно о томъ разсуждаемъ, но каково было выносить, въ продолженіи одиннадцати

мѣсяцевъ, то раскаленное небо, которое тяготѣло надъ главою храбрыхъ Севастопольцевъ, съ огненными его кометами, при непрестанномъ трескѣ бомбъ и раскатѣ громовъ изъ нѣсколькихъ тысячь орудій! Не было ли это однимъ изъ предшествующихъ зрѣлищь послѣдняго дня нашего міра, обреченнаго на сожженіе со всѣми его стихіями! Одно лишь утѣшительнымъ представляется для взоровъ, посреди всеобщаго разрушенія, какъ и въ тотъ, страшный день, отраднымъ будетъ знаменіе Сына человѣческаго, предъ коимъ восплачутся всѣ колѣна земныя: это двѣ церкви Божіи рядомъ. Одна изъ нихъ, весьма малая и убогая, во имя Архангела Михаила, выстояла во все ужасное побоище Севастополя, напоминая зовъ послѣдней трубы архангельской, ибо въ ней ежедневно, по нѣскольку десятковъ славныхъ усопшихъ отпѣвалось подъ громомъ неумолкавшей канонады. Служители алтаря возглашали здѣсь «во блаженномъ успеніи вѣчный покой» доблестнымъ мученикамъ нашимъ за вѣру и отечество, не обрѣтшимъ себѣ на землѣ временнаго покоя и уже выстрадавшимъ вѣнецъ свой при жизни. «Ей! глаголетъ Духъ Апокалиптичестомъ гласомъ, да почіютъ отъ трудовъ своихъ, дѣла ихъ ходятъ вслѣдъ за ними.» (Апок. XIII, 13).

Другая церковь, во имя Святителя Николая, ангела царскаго, начатая прежде осады, продолжалась строиться во время оной и была про-

стрѣлена, чтобы также быть славною участницею страданій Севастополя; по минованіи страшной бури обновлена она во вкусѣ Византійскомъ. Кто на нее посмотритъ, не подумаетъ, чтобы это былъ соборъ уже не существующаго города; однако въ священную ея ограду сходятся еще на молитву разсѣянные промежду развалинъ богомольцы, ибо до десяти тысячь жителей считается въ раззоренномъ городѣ и его раскинутыхъ слободахъ. Отъ собора до пристани указываютъ остатки домовъ, гдѣ жили нѣкоторые изъ именитыхъ защитниковъ города, бодрствовавшіе здѣсь во все время осады. Тотлебенъ, Васильчиковъ, снискали себѣ тутъ добрую славу на всю жизнь, другіе же вѣчную память, ибо тутъ же и дома отжившихъ: Истомина, Нахимова. Нахимовъ, оставшійся одинъ послѣ храбрыхъ своихъ сподвижниковъ, искалъ себѣ смерти вездѣ, гдѣ только можно было ее встрѣтить. Погребая братію свою, Адмираловъ, просилъ онъ ихъ, чтобы потѣснились для него въ славной усыпальницѣ на верху горы, ибо предчувствовалъ, что скоро съ ними соединится. Не хотѣлъ онъ оставить роднаго Севастополя, съ одними лишь своими моряками, если бы даже и всѣ его оставили. Послѣдній хотѣлъ онъ пасть на разбитыхъ его твердыняхъ, послѣ того какъ пережилъ морскую его славу, и вотъ ему даровано было сіе послѣднее утѣшеніе.

Противъ Графской пристани стоитъ бывшій

домъ собранія, весь простреленный, ужасный по своимъ воспоминаніямъ, ибо тутъ былъ вначалѣ главный перевязочный пунктъ, доколѣ бомбы не вытѣснили и отселѣ умирающихъ, пощаженныхъ ими на редутахъ; на сѣверной сторонѣ залива устроилось имъ другое пристанище. Какими ужаснѣйшими стонами не огласилось это печальное вмѣстилище всѣхъ возможныхъ человѣческихъ мукъ, которыя замѣнили здѣсь прежнюю суетную веселость сего мѣста! Со временъ мученическихъ были ли когда собраны во едино столь разнообразныя муки? Свидѣтелями ихъ были сіи роковыя стѣны, сами разбитыя и какъ бы еще зіяющія отъ видѣннаго ими ужаса. Здѣсь дѣйствительно страдали мученики, безропотно положившіе животъ свой, въ страшныхъ истязаніяхъ, за вѣру, Царя и отечество, и никто не знаетъ имени ихъ, хотя ихъ было нѣсколько темъ и даже тысячи тысячь; нельзя было оцѣнить ихъ невѣдомыхъ страданій отъ самаго ихъ множества! Все это казалось тогда весьма обыкновеннымъ, ибо къ чему не привыкаетъ воспріимчивая природа человѣка? Гулъ неумолкаемыхъ орудій заглушалъ стоны, какъ не слышно бывало вопля закалаемыхъ жертвъ, на требищахъ, отъ трубнаго треска; ежечасное ожиданіе смерти дѣлало наконецъ равнодушнымъ къ смерти; самый воздухъ, раскаленный отъ безчисленныхъ выстрѣловъ и взрывовъ, казался обыкновенною атмосферою сего обреченнаго на погибель города. Сюда, со свѣ-

жаго воздуха, надобно было приходить учиться страдать и умирать; но тогда, отъ самаго избытка страданій, эта тяжкая наука не представлялась страшною: многіе желали смерти, чтобы только выйти изъ сего ужаснаго положенія.

Но здѣсь, посреди мукъ, можно было учиться и дѣламъ христіанскаго милосердія, отъ сестеръ милосердія, которыя были земными Ангелами сихъ мучениковъ, передавая ихъ въ руки небесныхъ Ангеловъ. Воздадимъ должную справедливость самоотверженію добровольныхъ участницъ всѣхъ ужасовъ брани, столь чуждой по видимому ихъ слабому полу, ибо онѣ мужественно несли иго Христово и погибали здѣсь не только отъ заразительныхъ болѣзней, но нѣкоторыя и отъ воинскихъ ранъ. Но восхваляя ихъ, вспомнимъ и о Той, которая сплела себѣ неувядаемый вѣнецъ ихъ посольствомъ въ станъ ратный; по ея свѣтлой мысли и человѣколюбивому манію, впервые двинулось сіе новое, немощное воинство, на помощь сильнымъ и совершило великое, ибо по слову Апостола «сила Божія въ немощи совершается.» (2. Кор. XV. 9.) Никогда прежде не видано было сего на Руси, но никогда не бывало въ ней и ужасовъ, подобныхъ Севастопольскимъ: столь жестокія язвы требовали болѣе нѣжной руки и сострадательнаго участія.

Едва могли мы найти себѣ помѣщеніе въ тѣсной гостинницѣ, потому что многіе съѣхались на

праздникъ обновленія Херсониса. Здѣсь ожидала меня пріятная встрѣча съ моимъ спутникомъ по Архипелагу, когда вторично странствовалъ я въ Святую землю, въ 1849 году. Баронъ С*** (бывшій тогда старшимъ офицеромъ на фрегатѣ) занималъ теперь должность дежурнаго штабъ-офицера при портѣ. Сколько ни былъ я утомленъ быстрымъ переѣздомъ отъ Ялты до Севастополя, на перекладной и въ самый знойный день, не хотѣлъ однако опустить благопріятнаго случая и просилъ С***, въ тотъ же вечеръ, показать мнѣ взорванные доки и повести меня на Малаховъ курганъ, котораго имя сдѣлалось столь громко во вселенной.

При закатѣ солнца, на легкой гичкѣ, переплыли мы корабельную бухту. Грустно было смотрѣть на исполинскій остовъ морскихъ казармъ, который возвышался надъ бывшимъ адмиралтействомъ; вечеромъ обманчиво представлялся онъ взору какъ бы еще во всей своей цѣлости. Враги лукаво способствовали сему оптическому обману; они взорвали огромное зданіе казармъ изнутри, сохранивъ его наружныя стѣны, такъ что издали оно не поражаетъ своими развалинами, хотя просвѣчиваетъ пустота безчисленныхъ оконъ, какъ ямы провалившихся глазъ въ разбитомъ черепѣ; но зданіе никогда не можетъ быть возстановлено, потому что треснуло самое основаніе стѣнъ: такъ мощно дѣйствовала здѣсь адская рука разрушенія, предупредившая

самое время. Сколькихъ стоило милліоновъ, чтобы срыть только одну гору, на которой, по манію царскому, предполагалось строить новое адмиралтейство? Оно долженствовало быть однимъ изъ самыхъ чудныхъ зданій въ мірѣ и не довершенное пало! Исполинскій трудъ рукъ человѣческихъ, достойный древнихъ колоссовъ Египта и Рима, однимъ мгновеніемъ обратился въ ничто! А великолѣпные доки? можно ли было столь варварски истребить ихъ и для чего? Они уже не годились для новаго устройства кораблей, но можно было пощадить ихъ ради изящества; да и честно ли было взорвать ихъ во время перемирія? Но уже таковъ духъ надменныхъ островитянъ,—истреблять все, что только не ихъ. Мы спустились въ доки, по грудѣ обвалившихся камней, и столь же трудною стезею поднялись на противоположную сторону, чтобы выйти изъ ограды бывшаго адмиралтейства; бывшаго!—какъ тяжело такое слово, когда еще недавно все это былое было и цвѣло.

Уже смерклось, когда вышли мы на чистое поле къ Малахову кургану. Въ одно время съ нами, багровая луна поднималась на завѣтную его вершину; кровавый цвѣтъ ея вполнѣ соотвѣтствовалъ мѣстнымъ воспоминаніямъ. Все уже такъ взрыто на этой роковой баттареѣ, что развѣ только опытный глазъ воина можетъ распознать на ней гдѣ что было. При слабомъ освѣщеніи луны мы не дошли до того обрыва, от-

куда ворвался непріятель, и не могли видѣть ни траншей, ни Камчатскаго редута, отъ котораго зависѣла участь Малахова. Не былъ взятъ приступомъ завѣтный курганъ сей, недоступный врагу! Напрасно хвалятся Французы, отбитые на всѣхъ пунктахъ послѣдняго кровопролитнаго штурма. Они захватили курганъ нечаянно и были бы выбиты опять горстію храбрыхъ, одушевленныхъ геройствомъ Хрулева, если бы только было дозволено. Но это были бы напрасныя жертвы, ради одной только славы: уже рѣшено было оставить Севастополь. Непріятель не посмѣлъ однако идти впередъ, онъ далъ намъ свободно выйти изъ города и перейти заливъ, на утломъ мосту, въ бурную погоду, Не лучшее ли это доказательство, что занятіе Малахова ничтожно въ сравненіи отбитаго повсюду приступа, хотя имя сіе гремитъ въ титулѣ Французскаго вождя; это лишь суетная блестка для удовлетворенія народнаго самолюбія!

Спросилъ я моего спутника: «откуда названіе Малахова?» и онъ отвѣчалъ: «былъ у насъ шкиперъ весельчакъ, сего имени, который мѣстомъ своихъ потѣхъ избралъ этотъ курганъ; туда часто посылали отыскивать хмѣльнаго и по имени его курганъ прозвался Малаховымъ.» Не большая это слава, подумалъ я, Французскому маршалу, послѣ одинадцати мѣсячной осады Севастополя, не отъ него заимствовать свой воинскій титулъ! «Duc de Malacoff!» это весьма громко, а въ Рус-

скомъ переводѣ, когда понимаешь значеніе слова, не очень то звучно выходитъ: «Герцогъ Малахова.»

Спутникъ мой, по свойственной ему скромности, едва проговорилъ, что самъ онъ, въ продолженіе всей осады, начальствовалъ на баттареи въ Пересыпи, которая была на оконечности южной бухты, между 4-мъ бастіономъ и 3-мъ, или такъ называемымъ большимъ редантомъ; противъ сего реданта неудачно испытали Англичане свои силы, при началѣ осады. Тутъ просидѣлъ онъ безвыходно почти одиннадцать мѣсяцевъ и вышелъ невредимъ; но никто не цѣнитъ такого подвига, потому что это дѣло было весьма обыкновеннымъ во время сей безпримѣрной осады. Духовные, вмѣстѣ со свѣтскими, раздѣляли подвигъ и привыкли засыпать подъ свистъ пуль и ядеръ, а бомбы дѣлались предметомъ шутокъ для тѣхъ, которые ловко умѣли избѣгать ихъ.

Не напрасно иностранцы, всякаго званія, во множествѣ пріѣзжаютъ сюда посмотрѣть на развалины нашей Трои, ибо дѣйствительно такая война составляетъ эпоху какъ и Троянская. Не давно пріѣзжалъ сюда Принцъ Жуанвильскій, съ сыномъ своимъ, прямо изъ Константинополя, и не польстился даже посмотрѣть на южный берегъ Крыма: это весьма понятно для военнаго человѣка. Теперь здѣсь все еще свѣжо въ памяти, каждый матросъ можетъ служить живою лѣтописью, въ которой самъ былъ дѣйствующимъ

лицемъ. Каждому Русскому, если только имѣетъ возможность, сердечный долгъ долженъ внушать, идти сюда посѣтить то мѣсто, гдѣ было пролито столько драгоцѣнной крови для защиты отечества, доколѣ еще не изгладились воспоминанія. Съ годами время возьметъ свое и все сотрется съ лица сего лѣтописнаго участка родной земли.

От Скироса вдаль влекомый,
Поплыветъ Неоптолемъ,
Брегъ увидитъ незнакомый
И зеленый холмъ на немъ.

Кормчій юношѣ укажетъ
Полный думы, на курганъ
«Вотъ Ахилловъ гробъ! онъ скажетъ,
Тамъ вблизи былъ Грековъ станъ.»

Вкругъ ужь пусто..... смолкли бои,
Тихи Ксантъ и Симоисъ,
И уже вкругъ башень Трои
Плющъ и терній обвились.

«Обойдетъ равнину брани...!
Тамъ, гдѣ ратовалъ Ахиллъ,
Ужь стадятся робки лани
Вкругъ оставленныхъ могилъ!»

Грустно возвращались мы съ поля битвы, развлекая себя бесѣдою отъ печальныхъ думъ. Товарищь мой разсказывалъ мнѣ нѣкоторые примѣчательные случаи минувшей осады. Достойно вниманія, что одна изъ первыхъ непріятельскихъ бомбъ поразила въ Севастополѣ Француза, а послѣднія добивали Англичанъ. Въ самый первый день осады, когда еще только началась канона-

да, пріѣхалъ изъ Петербурга Французскій инженеръ нашей службы. Рано утромъ пошелъ онъ въ морскія казармы, навѣстить одного изъ своихъ пріятелей, и засталъ его еще спящимъ; проснувшійся офицеръ вѣжливо предложилъ гостю мѣсто на диванѣ, который служилъ ему постелью, а самъ сѣлъ подлѣ на стулѣ; въ ту минуту начались выстрѣлы и первая бомба разразилась надъ головою пріѣзжаго, участи коего подвергся бы самъ хозяинъ, если бы менѣе былъ учтивъ; чудны дѣла твои Господи!

Спутникъ мнѣ говорилъ, что много еще валяется начиненныхъ бомбъ между развалинъ и надобно быть съ ними очень осторожнымъ, потому что бывали несчастные случаи. Въ прошломъ году двое пріѣзжихъ Англичанъ вздумали пошутить надъ такою бомбою и заплатили жизнію за свою неумѣстную отвагу; бомбу разорвало и ихъ убило на мѣстѣ. Не есть ли это таинственное возмездіе представителямъ сего непріязненнаго народа, за все то зло, которое нанесли ихъ соотечественники городу, уже беззащитному, во время перемирія, исказивъ самые его останки пощаженные осадою? Надъ сими останками пришли еще поглумиться ихъ туристы, и тутъ же, въ самыхъ докахъ, раззоренныхъ Англичанами, обрѣли себѣ смерть! Мертвая по видимому бомба и вѣроятно начиненная Англинскимъ порохомъ, два года спустя послѣ всѣхъ сихъ ужасныхъ событій, таила въ себѣ еще достаточно силы, что-

бы поразить Англичанина! Право нельзя всегда приписывать случаю такія случайности.

Когда мы спустились опять въ разоренные доки, чтобы перейти на другую сторону къ ожидавшей насъ лодкѣ, луна высоко уже поднявшаяся, полнымъ свѣтомъ осіяла величественный остовъ морскихъ казармъ и все адмиралтейство. Легче было смотрѣть на развалины при обманчивомъ ея свѣтѣ, ибо она блѣдными своими лучами достроивала раззоренное. Трехъ ярусная колоссальная стѣна, облегавшая одну сторону срытой горы, съ безчисленными окнами, казалось еще не испытала враждебной руки и готова была состязаться со временемъ, да и можно ли было здѣсь ожидать когда-либо инаго состязателя?—Казалось, обширная пристань Севастополя готова была опять принять въ свои объятія родной ея флотъ, хотя и мало видно было судовъ на широкихъ водахъ, но воображеніе дополняло желаемое; слышались голоса съ обоихъ береговъ корабельной бухты, и мнѣ мечталось, что я опять плыву по тому же чудному заливу, какъ бывало за десять лѣтъ предъ симъ, посреди сокровищницы нашего флота, и что недавно бывшее никогда не бывало, или давно уже миновалось, и все опять въ обновленной силѣ! Тотъ же спутникъ, прежнихъ радостныхъ дней, управлялъ рулемъ быстрой ладьи и, по его манію, стройно ударяли по водамъ длинныя весла ловкихъ гребцовъ, разсѣкая серебристую пѣну.

Мнѣ хотѣлось забыть настоящее. Но когда опять вспомнилъ о минувшей славѣ сего единственнаго въ мірѣ залива и о нынѣшнемъ его запустѣніи, слезы невольно канули изъ глазъ, хотя и старался утаить ихъ; молча, въ тяжкой думѣ, переплылъ я чудный заливъ. Мы причалили опять у Графской пристани; легкая ея колоннада красовалась какъ и прежде, когда не было мѣста гдѣ бы къ ней причалить, отъ множества лодокъ, и весь заливъ исполненъ былъ кораблей. Давно ли кажется? а теперь лишь зыблются на водахъ два, три парохода, и одинъ лишь военный начальника Черноморскаго флота. Съ глубокимъ вздохомъ взглянулъ я на сѣверную сторону, гдѣ еще въ полномъ величіи возвышались форты Константина и Михаила, чтобы освѣжить душу хотя чѣмъ-либо несокрушеннымъ, посреди сей груды обломковъ; но когда, сквозь колоннаду Графской пристани, мнѣ мелькнули опять, въ бѣломъ саванѣ какимъ ихъ окутала луна, всѣ развалины Севастополя, отъ подошвы до вершины холма, этотъ Акрополисъ смерти, иззубренный остовъ цѣлаго города,—не могъ я долѣе выносить плачевнаго зрѣлища и укрылся на ночь въ свой убогій пріютъ.

Обновленіе Херсониса.

День Св. Владиміра ознаменовался духовнымъ торжествомъ, какихъ давно не видалъ древній Херсонисъ, въ память равноапостольнаго Князя. Казалось многострадальный Севастополь воспрянулъ временно изъ своихъ развалинъ, чтобы дохнуть изъ подъ пепла бывалою жизнію. Все что что было духовенства, не только въ городѣ и окрестностяхъ, но и на южномъ берегу, въ пустынныхъ скитахъ, созданныхъ преосвященнымъ Иннокентіемъ въ ущельяхъ горной Тавриды, соединилось въ Севастополѣ, съ двумя Архимандритами монастырей Георгіевскаго и Успенскаго, что близь Бахчисарая. Епископъ Херсонскій Димитрій нарочно прибылъ для торжества сего изъ Одессы. Собралось все морское начальство, съ остатками морскаго экипажа подъ ружьемъ, съ своими прославленными въ битвахъ знаменами, которыя развѣвались вмѣстѣ съ церковными хоругвями. Списки древнихъ

иконъ Корсунскихъ, снятые въ Московскомъ соборѣ, древняя икона Великомученика изъ его обители, и частица мощей равноапостольнаго Князя, испрошенная также въ Москвѣ, предносимы были пресвитерами. Епископъ, съ животворящимъ крестомъ, слѣдовалъ за сокровищемъ мощей, и стройно выступилъ крестный ходъ изъ Николаевскаго собора, при многочисленномъ стеченіи народа, всякаго званія и исповѣданія, какое только могъ представить на лице раззоренный Севастополь.

Нестерпимый зной не воспрепятствовалъ усердію клира и гражданъ, хотя Херсонисъ отстоитъ за четыре версты отъ города. Еще не выходя изъ объема его развалинъ, при церкви Петропавловской, которая возникла уже послѣ раззоренія, преосвященный Димитрій сталъ на возвышеніи и осѣнилъ народъ святынею мощей Просвѣтителя Руси. Нѣсколько далѣе крестный ходъ выступилъ изъ свѣжихъ развалинъ Севастополя, между 5-мъ и 6-мъ бастіонами, которые столь мужественно отразили враговъ, и направился къ инымъ многовѣковымъ развалинамъ Херсониса. Разстояніе времени какъ будто изгладилось между ними: всеобщее разрушеніе уравняло ихъ годы, подобно тому какъ люди, подвигаясь къ старости, не чувствуютъ уже между собою того различія лѣтъ, которое разительно было въ болѣе юномъ возрастѣ; здѣсь давно минувшее слилось съ недавно отжившимъ, подъ одною грудою камней и пепла.

Не въ силахъ будучи идти за крестнымъ ходомъ, я предупредилъ его и не раскаялся въ томъ, потому что засталъ другое торжественное служеніе въ самомъ Херсонисѣ. Строитель Евгеній, съ двумя іеромонахами, со крестами и хоругвями, вышелъ также изъ своей убогой церкви Св. Владиміра, на каменный холмъ, складенный имъ предъ развалинами древняго соборнаго храма и увѣнчанный высокимъ крестомъ: тамъ совершилось освященіе воды. Я стоялъ у подошвы холма, въ самыхъ развалинахъ; еще ясно обозначены были стѣны святилища и мѣсто олтаря, ознаменованное крестомъ. Умилительно было слышать молитвы освященія надъ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ нѣкогда освящалась вода для крещенія самаго Владиміра; показываютъ посреди храма углубленіе купели, въ которой спала чешуя съ очей новопросвѣщеннаго, какъ нѣкогда у Апостола Павла. Священнослужители спустились съ холма, чтобы окропить останки храма и обойти, съ пѣніемъ тропарей, вокругъ священныхъ обломковъ, откуда возсіяла намъ заря нашего спасенія.

Было предположеніе соорудить церковь, во вкусѣ Византійскомъ, на самыхъ развалинахъ, совершенно того же размѣра, и планъ сего зданія былъ уже утвержденъ; даже крестный ходъ назначенъ для того, чтобы торжественно заложить первый камень; но не давно отмѣнили первоначальный планъ, чтобы не коснуться остатковъ бывшаго святилища при копаніи ѳундамен-

та. Теперь рѣшено соорудить болѣе обширный храмъ во имя равноапостольнаго Князя и, въ нижнемъ его ярусѣ, вмѣстить неприкосновенно остатки древняго, устроивъ тамъ особый придѣлъ:—добрая мысль, если только осуществится. Странны судьбы Херсониса! Сколько столѣтій уже тлѣетъ онъ въ развалинахъ! Камни его отчасти послужили для строенія новаго города, который также теперь въ развалинахъ.

Уже нѣсколько десятковъ лѣтъ производился сборъ по всей Россіи, для сооруженія храма въ Херсонисѣ, на память крещенія Просвѣтителя Руси, но собранныя деньги получили внезапно иное назначеніе. Не знаю почему представилось двумъ именитымъ двигателямъ сего края, на сушѣ и по водамъ, Князю Воронцову и Адмиралу Лазареву, будто не довольно опредѣлена мѣстность древняго Херсониса, хотя, казалось, ясно обозначено было основаніе соборнаго храма на бывшей городской площади, и цѣлы доселѣ мраморные останки, съ разбитыми колоннами, другаго великолѣпнаго храма Св. Климента, ближе къ морю; стоитъ еще и тотъ историческій холмъ, который насыпали Херсониты во время осады, отгребая землю, наносимую осаждавшими къ стѣнамъ для приступа; сохранилась даже и стѣна Херсониса, опредѣляющая мѣстность бывшаго Акрополиса.

Испрошено было повелѣніе обратить всю собранную сумму на другой предполагаемый храмъ,

также во имя Св. Владиміра, но не въ древнемъ Херсонисѣ, а въ сосѣднемъ ему Севастополѣ. Адмиралъ Лазаревъ хотѣлъ соорудить храмъ со всевозможнымъ великолѣпіемъ, весь изъ мрамора, и уже стали выписывать изъ Италіи мраморъ, хотя тѣмъ не удовлетворилось бы благочестивое усердіе жертвователей. Между тѣмъ самое мѣсто древняго Херсониса, гдѣ совершилось драгоцѣнное событіе нашего духовнаго просвѣщенія, предназначено было для чумнаго госпиталя. Тогда бы не только совершенно истребились слѣды христіанскихъ храмовъ, которые теперь цѣлы послѣ непріятельскаго разгрома, но даже самое мѣсто, по карантинной строгости, сдѣлалось бы всегда недоступнымъ для поклонниковъ, которые бы захотѣли тутъ искать слѣды крещенія Св. Князя, и это предположеніе уже готово было исполниться.

Нечаянно узналъ я о томъ, при посѣщеніи Севастополя, въ 1847 году, на обратномъ пути моемъ изъ Грузіи, и ужаснулся. Немедленно написалъ я, изъ Одессы, Князю намѣстнику въ Тифлисъ, умоляя его пощадить мѣсто, столь священное для цѣлой Россіи, о достовѣрности коего не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія, ибо развалины Херсониса сами о себѣ свидѣтельствуютъ. Я нарочно поѣхалъ въ Николаевъ, убѣдить въ томъ же Адмирала Лазарева и успѣлъ его склонить написать Князю, что соглашается съ моимъ

мнѣніемъ. Намѣстникъ, съ своей стороны, вполнѣ показалъ благородный свой характеръ, давъ обѣщаніе не только сохранить неприкосновеннымъ мѣсто, но и воздвигнуть на немъ памятникъ Равноапостольному. Однако, не смотря на то, собранныя деньги оставались въ пользу новой церкви Севастополя и, только послѣ всѣхъ ужасовъ его раззоренія, обратились онѣ къ первобытной цѣли.

Между тѣмъ преосвященный Иннокентій, сдѣлавшись Архіепископомъ Херсонскимъ, не оставилъ безъ вниманія развалинъ Херсониса и всего полуострова Таврическаго, ибо вездѣ старался сохранить и обновить остатки древности. Подобно какъ въ эпархіи Харьковской оставилъ онъ по себѣ память, обновленіемъ Святогорской обители, такъ и въ Тавридѣ предпринялъ возстановить древнія ея святилища, или, какъ онъ выражался, образовать изъ нея Русскій Аѳонъ, но у него не доставало людей и средствъ; однако онъ не унывалъ и употребилъ все, что было въ его силахъ, чтобы осуществить свою мысль; по крайней мѣрѣ онъ положилъ зародышь будущимъ обителямъ на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онѣ существовали прежде, въ живописныхъ ущельяхъ, или при цѣлебныхъ источникахъ, издавна освященныхъ въ памяти народной.

Прежде всего обновилъ онъ скитъ Успенскій въ ущельи Бакчисарая, какъ одно изъ первыхъ святилищъ Греческихъ, только не давно опустѣв-

шее, и предназначилъ его быть начальною лаврою для всѣхъ будущихъ скитовъ. Онъ вызвалъ туда изъ лавры Кіевской благочестиваго Архимандрита Поликарпа, который долгое время былъ начальникомъ нашей миссіи въ Аѳинахъ и, по своей подвижнической жизни, совершенно приготовленъ къ такого рода дѣятельности. На рѣкѣ Качѣ, не далеко отъ Бакчисарая, также въ ущеліи, на источникахъ рѣки Альмы у подошвы Чатырдага, слышалъ Иннокентій, что существовали нѣкогда церкви при цѣлебныхъ источникахъ Св. Анастасіи и Святыхъ Безсребренниковъ и, посѣтивъ сію живописную мѣстность, обновилъ разрушенную тамъ святыню. Инкерманская скала, съ остатками Греческой крѣпости на верху горы и съ древнею церковью, изсѣченною въ утесахъ, привлекла его заботливое вниманіе и онъ вызвалъ изъ запустѣнія сіе святилище. Но ближе всего лежалъ къ его сердцу Херсонисъ, какъ мѣсто прославленное крещеніемъ Руси, въ лицѣ ея Князя; онъ поспѣшилъ испросить себѣ сіи развалины и устроилъ тамъ, посреди пустыря, близь остатковъ бывшаго соборнаго храма гдѣ крестился Владиміръ, малую церковь съ келліею для иноковъ.

Нашелся и туда ревностный подвижникъ, изъ воиновъ Донскихъ, который, отслуживъ съ честію Царю и отечеству, рѣшился посвятить себя Богу; онъ былъ благороднаго происхожденія, въ званіи есаула—Преосвященный удержалъ его въ

Одессѣ, на пути въ Іерусалимъ, и убѣдилъ заняться устройствомъ святилища въ Херсонисѣ, ибо вездѣ умѣлъ находить людей способныхъ, которыхъ тщательно отыскивалъ. Такъ однажды, услышавъ въ Херсони, что уже многіе годы спасается невѣдомый странникъ, въ тяжкихъ веригахъ, на пустынномъ островѣ, посреди тростниковъ Днѣпровскихъ, самъ поплылъ туда и убѣдилъ его переселиться въ Успенскій скитъ.

Убогая церковь, поставленная на развалинахъ Херсониса, раззорена была во время осады, а ревностный ея блюститель, искавшій спасенія отъ непріятелей, съ утварью церковною въ родной землѣ на Дону, при переправѣ черезъ рѣку утонулъ. Преосвященный Иннокентій, посѣтивъ въ послѣдній разъ Крымъ, въ минувшемъ году, заботился о возстановленіи церкви Херсониса и, усердіемъ одного изъ гражданъ Севастопольскихъ, вскорѣ опять она могла быть освящена; но уже самъ Иннокентій лежалъ больнымъ въ Георгіевскомъ монастырѣ, когда совершилось желаемое освященіе. Тогда поставилъ онъ настоятелемъ будущей обители бывшаго при немъ іеромонаха Евгенія, еще юнаго, но весьма ревностнаго и замѣчательнаго по своему происхожденію. Отецъ его фонъ-Экштейнъ былъ при Дворѣ Короля Шведскаго Густава IV-го, и послѣ его паденія долженъ былъ оставить свое отечество; онъ переселился въ Ригу, женился тамъ и вскорѣ умеръ.

Вдова его, съ трехлѣтнимъ младенцемъ, переѣхала въ Москву и приняла православіе. Рано поступилъ въ иноческое званіе ея сынъ, по влеченію сердца, и ему предстоитъ оправдать свое званіе на томъ замѣчательномъ поприщѣ, которое столь неожиданно ему открылось. Много потрудился онъ въ сѣверной столицѣ, для обновленія обители Херсониса, и испросилъ себѣ половину тѣхъ денегъ, которыя были первоначально собраны для сего предмета; другая часть ихъ предназначена для довершенія церкви въ Севастополѣ, во имя Св. Владиміра, въ основаніи коей покоятся знаменитые наши Адмиралы. Такимъ образомъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ Божіимъ, возвратилось Херсонису бывшее его достояніе, взятое у него во время славы Севастополя, и онъ уже обновляется, когда еще дымятся свѣжія развалины бывшей сокровищницы нашего флота.

Уже крестный ходъ приближался къ Карантинной бухтѣ и передовыя толпы народа начали подыматься на высоты Херсониса; строитель Евгеній готовился идти на встрѣчу. Мы воспользовались краткимъ временемъ, чтобы осмотрѣть на берегу развалины Климентовой церкви, которой древнее великолѣпіе явствуетъ изъ самыхъ обломковъ. Сохранилось основаніе стѣнъ и есть слѣды фресковъ на горнемъ мѣстѣ; разбитые столбы лежатъ по срединѣ храма и видно внутри его мраморное ихъ основаніе, которое

образуетъ длинный четвероугольникъ; все святилище было украшено колоннами, на подобіе древнихъ базиликъ, и сохранились слѣды бывшаго портика. До осады Севастополя, многія колонны еще оставались на своихъ мѣстахъ, другія лежали, опрокинутыя временемъ но пощаженныя людьми; ихъ истребили новѣйшіе варвары и стерли въ прахъ.

По изящности храма можно судить о томъ благоговѣніи, которое питала Христіанская древность къ памяти священномученника Климента, Папы Римскаго, сосланнаго сюда за исповѣданіе имени Христова и вѣроятно пощаженнаго въ Римѣ только по родству съ Кесарями, ибо онъ былъ изъ той же именитой фамиліи Флавіевъ, которая дала многихъ великихъ мужей древней всемірной столицѣ. Но Св. Папа, тамъ пощаженный, здѣсь подвергся мученической кончинѣ и брошенъ былъ въ море съ мыса Херсонисскаго. Здѣсь, черезъ восемь столѣтій, чуднымъ образомъ обрѣлъ на днѣ морскомъ священные его останки Просвѣтитель Славянъ, близкій нашему сердцу, святый Кириллъ Философъ, съ братомъ своимъ Меѳодіемъ, когда они были посланы изъ Царьграда для обращенія Козаръ, и оставилъ часть мощей Св. мученика, взявъ съ собою другую въ Римъ. Отселѣ перенесъ главу Св. Климента и мощи ученика его Ѳива, новопросвѣщенный Владиміръ, въ родной свой Кіевъ, и это была первая святыня, которую получила се-

бѣ въ благословеніе просвѣтившаяся Христіанствомъ Русь.

Конечно, послѣ сооруженія храма во имя Св. Владиміра, надъ мѣстомъ его крещенія, первымъ долгомъ настоятеля Херсонисскаго будетъ обновить и сію древнюю базилику Св. Климента, столь тѣсно связанную съ началомъ нашего Христіанства и памятью Апостола Славянъ Кирилла. Недалеко отъ нея, сохранились еще на берегу ступени бывшей пристани Херсониса, гдѣ ступилъ нѣкогда на сію завѣтную для Руси землю самъ первозванный ея Апостолъ; обойдя вокругъ всего Понта онъ пришелъ въ Херсонь для проповѣди Христовой; отселѣ поднялся еще вверхъ по Днѣпру, пророчески водрузить на горахъ Кіевскихъ первый крестъ, за тысячу лѣтъ до крещенія Владиміра. Вотъ сколько священныхъ воспоминаній для насъ въ развалинахъ одного Херсониса, а мы до сихъ поръ оставались къ нимъ равнодушными, упоенные славою Севастополя! Горькое разочарованіе обратило насъ къ симъ священнымъ началамъ.

Когда мы возвратились отъ развалинъ базилики Климентовой, крестный ходъ уже входилъ въ убогую церковь Св. Владиміра, которая не могла вмѣстить въ себѣ столько народа; всѣ богомольцы оставались внѣ ея, не смотря на духоту воздуха и палящее солнце. Епископъ Димитрій совершилъ торжественно литургію, послѣ утомительнаго хода, и можно было подивиться

его пастырской ревности. При входѣ съ евангеліемъ, Преосвященный поставилъ строителя Евгенія Игуменомъ и, должно сказать, что онъ вполнѣ заслужилъ сію степень, за свое усердіе къ обновленію падшаго Херсониса. Если бы не его голосъ, по видимому ничтожный, то не совершилось бы сіе великое дѣло и, быть можетъ, еще на многіе годы оставался бы въ развалинахъ священный храмъ, свидѣтель крещенія нашего Просвѣтителя, доколѣ бы совершенно не истребили его и время и люди. Изумительно, какъ могъ онъ сохраниться и доселѣ! Но сила Божія въ немощи совершается и усердіе одного человѣка подвигло все высокое и священное на Руси къ обновленію вѣковыхъ развалинъ.

ИНКЕРМАНЪ И СѢВЕРНАЯ СТОРОНА.

Въ тотъ же вечеръ просилъ я опять моего добраго спутника по Архипелагу, отвезти меня на своей быстрой гичкѣ до Инкермана; по свойственной ему скромности, какъ бы не надѣясь на свое знаніе мѣстности бывшихъ битвъ, пригласилъ онъ съ нами одного опытнаго инженера, чтобы тотъ разсказалъ мнѣ подробнѣе, гдѣ что происходило. Прежде нежели углубиться въ самую оконечность Севастопольскаго залива, миновали мы Павловскую баттарею на мысу корабельной бухты, взорванную нами въ день отступленія. Тутъ была употреблена военная хитрость; на баттареѣ находилось много раненыхъ и потому сперва ея не коснулись; но опасаясь, чтобы непріятель, овладѣвъ ею, не сталъ вредить сѣверному укрѣпленію, испросили краткій срокъ для вывоза раненыхъ и взорвали баттарею.

По мѣрѣ того, какъ мы подвигались вдоль берега къ устью Черной рѣчки, намъ представлялись, одна за другою, углублявшіяся балки: сперва Ушаковская, которая долго служила мѣстомъ городскихъ гульбищь, по своему саду нынѣ уже опустошенному, и Киленъ-балка, которая горько прославилась неудачною битвою Инкерманскою при своемъ верховьѣ. Грустно подумать, что отъ ничтожной ошибки утрачена была лучшая минута для совершеннаго истребленія враговъ. Если бы войска наши пошли, какъ было предположено, по лѣвую а не по правую сторону балки, не были бы они разрознены, и если бы тѣ, которые шли къ нимъ на помощь отъ Инкерманскаго моста, не отклонились отъ указанной имъ высоты, бросившись на выстрѣлы, чтобы выручать своихъ по духу Русскаго солдата, то всѣ Англичане погибли бы въ этотъ роковой для нихъ день; но онъ обратился на насъ самихъ всею тяжестію неудачной битвы.

Отъ Киленъ-балки на́чинался тотъ рядъ бастіоновъ, мгновенно созданныхъ кругомъ всей южной бухты, который увѣнчалъ Севастополь боевымъ вѣнцомъ и обезсмертился памятью его защитниковъ, мученически здѣсь пострадавшихъ; никогда не изгладится память сія, хотя бы и стерлись съ лица земли упоенные кровію бастіоны, которые теперь еще возвышаются вокругъ многострадальнаго города, какъ свѣтлый вѣнчикъ вокругъ мученическаго лика, и между ними Ма-

лаховъ, какъ высшій зубецъ сего чуднаго вѣнца, господствуетъ надъ всѣми. Между Киленъ-балкою и Георгіевскою, построены были на высотахъ тѣ знаменитыя баттареи, Селенгинская и Волынская, носившія имена своихъ строителей, которыя, при началѣ осады, изумили непріятеля самою отважностію ихъ нечаяннаго сооруженія и, оттиснувъ его далеко, дали хотя на краткое время дохнуть свободнѣе мужественнымъ защитникамъ Севастополя.

Вступивъ въ устье рѣчки Черной, поросшей тростниками, мы проѣхали подъ сводами Инкерманскаго моста, отъ котораго, съ такою надеждою и успѣхомъ, устремились войска наши на бой двадцат пятаго Октября. Дѣйствительно, оплошность Англичанъ была чрезвычайная, потому что они безъ выстрѣла допустили насъ подняться на высоты Сапунъ горы, откуда нѣсколько пушекъ могли насъ отразить; но здѣсь же и бѣдственно окончилась для насъ битва, когда, въ свою очередь и по ошибкамъ, которыя можно почитать роковыми, потому что нельзя было даже ихъ предполагать, опамятовались враги и, опрокинувъ войска наши, преслѣдовали ихъ до сего моста. Въ виду Инкермана, надъ каменноломнями, мнѣ указали мѣсто, гдѣ бросился со скалы одинъ мужественный юнкеръ, преслѣдуемый непріятелями, и разбился въ прахъ, чтобы только не достаться въ ихъ руки. Я спросилъ о его имени?—оно забыто. Сколь-

ко такихъ подвиговъ самоотверженія геройскаго, во время осады Севастополя, остались совершенно безъизвѣстны, когда мы съ дѣтства привыкли изучать подвиги Римскіе Коклеса и Сцеволы, за двѣ тысячи пять сотъ лѣтъ до насъ бывшіе, а то, что было въ глазахъ нашихъ, мы уже выбросили изъ памяти. Не ужели никто не напишетъ подробную героическую исторію осады Севастополя, со всѣми ея блистательными подвигами? Такая обязанность лежитъ на очевидцахъ: это будетъ народная эпопея, наша Иліада надъ развалинами нашей Трои.

Красивый водопроводъ перекинутъ черезъ глубокую балку, въ виду Инкермана, и на сквозь пробита была Сапунъ гора, чтобы живая струя воды, зачерпнутая далеко въ горахъ, текла въ доки Севастополя. И что же?—рука новѣйшихъ варваровъ не пощадила и сего громаднаго дѣла, достойнаго древнихъ памятниковъ Римскихъ, такъ какъ все строилось на исполинскіе размѣры въ Севастополѣ: разбитъ водопроводъ и заваленъ проломъ скалы и пресѣчена струя водная, а для чего? одна только неистовая вражда руководила здѣсь истребителей, которые на каждомъ шагу ознаменовали свое варварство.

Вотъ наконецъ и живописныя развалины Инкермана, съ Греческою башнею и остатками укрѣпленія на верху горы, ибо здѣсь было самостоятельное владѣніе одного Греческаго Державца, изъ роду Комниныхъ, во дни славы Херсониса,

и едва ли не каѳедра Митрополита Готѳскаго; о томъ свидѣтельствуетъ церковь, которая изсѣчена внутри скалы, пробитой на сквозь для сообщенія съ вышгородомъ. Одиннадцать лѣтъ тому назадъ, при посѣщеніи Инкермана, я засталъ церковь сію въ совершенномъ запустѣніи; съ тѣхъ поръ она обновлена ревностію преосвященнаго Иннокентія, который испросилъ для нея малый участокъ земли подъ огородъ, на берегу Черной рѣки, хотя мѣсто это вредно по своимъ лихорадкамъ, и устроилъ малый скитокъ для одного отшельника въ этой скалѣ. Мы не нашли іеромонаха въ каменномъ его пріютѣ; онъ былъ на праздникѣ въ Севастополѣ и еще не возвращался. Сторожъ, отставной матросъ, открылъ намъ входъ въ пещерную церковь, указалъ въ скалѣ келлію своего старца и поспѣшилъ зажечь свѣчи предъ иконами, чтобы радушно встрѣтить посѣтителей довольно рѣдкихъ.

Признаюсь, надо было много имѣть самоотверженія и любви къ уединенію, чтобы поселиться въ такомъ безотрадномъ мѣстѣ и къ тому же болѣзненномъ, гдѣ церковная молитва не услаждается даже и во дни воскресные, общеніемъ богомольцевъ, потому что все пусто вокругъ, развѣ кто придетъ изъ каменоломень съ противоположнаго берега. Дѣло иное, когда тутъ устроится хотя не большое общежитіе, но скоро ли это будетъ при недостаткѣ средствъ и людей? Преосвященный Иннокентій, обновляя храмъ въ

сердцѣ скалы, посвятилъ его памяти двухъ священномучениковъ Римскихъ, святыхъ Папъ Климента и Мартина, пострадавшихъ въ Херсонѣ, куда были они заточены въ различныя времена, въ I и VIII столѣтіи христіанства; но Климентъ пострадалъ отъ языческаго Кесаря, за исповѣданіе имени Христова, а Мартинъ отъ Императора Константа, за то, что мужественно воспротивился его еретическому изложенію вѣры, которое хотѣлъ распростанить по Вселенской Церкви. Оба Святителя долго трудились въ каменоломняхъ Инкерманскихъ; быть можетъ Св. Папа Климентъ былъ и первымъ соорудителемъ изсѣченной въ скалѣ церкви, и потому весьма прилично посвящена она памяти обоихъ священномучениковъ.

Я искалъ въ ней той гробницы невѣдомаго угодника Божія, съ лѣвой стороны олтаря, на которую впервые указалъ Иннокентій въ одной изъ своихъ краснорѣчивыхъ бесѣдъ, во время осады Севастополя (я упомянулъ о томъ въ своемъ описаніи житій Святыхъ священномучениковъ Херсонскихъ, мѣсяцъ Мартъ). Въ статейномъ спискѣ посольства, ходившаго въ Крымъ при Царѣ Михаилѣ Θеодоровичѣ, упоминается о обрѣтеніи мощей одного невѣдомаго Святаго въ скалѣ Инкерманской, который, явившись во снѣ священнику Русскому, исцѣлилъ болящаго, но не открылъ своего имени и не велѣлъ брать своихъ останковъ въ Россію, обѣщая, въ свое время, привести Русь въ сіе мѣсто, и вотъ чудно исполни-

лось его предсказаніе. Дѣйствительно, съ лѣвой стороны есть закладенное въ стѣнѣ мѣсто сей могилы, гдѣ лежали и иныя кости, но уже не осталось слѣдовъ стѣнной живописи, о которой говорится въ статейномъ спискѣ; а то окно, изъ котораго выбросилъ нечестивый Татаринъ священные останки, обращено теперь въ дверь на балконъ; оттуда открывается живописный видъ на всю долину, оживленную зеленью древесною; вдали едва виднѣется море, которое нѣкогда близко подходило къ скалѣ Инкерманской.

Уже солнце готово было спуститься за утесы и глубокое ущеліе начинало покрываться тѣнью. Опасаясь вечернихъ испареній сей болѣзненной долины, мы поспѣшили къ нашей лодкѣ и спустились опять между тростниковъ, которые служатъ зародышемъ лихорадки, въ широкій заливъ Севастополя. Тамъ мы дохнули свободно свѣжимъ воздухомъ моря, но сердце сжалось опять, при видѣ обступившихъ кругомъ развалинъ.

Поздно вечеромъ посѣтилъ я С...я, жившаго на вершинѣ холма Севастопольскаго и, возвращаясь отъ него въ лунную ночь, могъ окинуть взоромъ все бѣдственное запустѣніе города. При такой обширности развалинъ, разбросанныхъ по всему холму и около его подошвы, кое-гдѣ мелькали только огоньки, и по этимъ огнямъ можно было судить, гдѣ укрывается все народонаселеніе послѣ гибельной осады. Все прочее было

одни лишь пустыри или обломки, которые вѣроятно не скоро населятся, теперь особенно, когда перенесена желѣзная дорога на другую оконечность Крыма, въ открытую пристань Ѳеодосіи. Многострадальный Севастополь, гордясь своими ранами, понесенными за отечество, чаялъ залѣчить ихъ когда бы потекла черезъ него рѣка торговли, но ему суждены одни лишь воинскіе подвиги.

Рано утромъ на другой день оставилъ я Севастополь, чтобы посѣтить Бахчисарай. На баркасѣ переплылъ я широкій заливъ, чрезъ который перекинутъ былъ утлый мостъ, длиною съ версту, въ роковой день отступленія, славнаго въ полномъ смыслѣ сего слова; все что только можно было перенести человѣческими силами, во время одиннадцати-мѣсячной осады, было перенесено и даже болѣе, потому что свыше человѣческихъ были подвиги и страданія осажденныхъ. Но тотъ великолѣпный Николаевскій фортъ, откуда начинался мостъ и гдѣ, въ послѣднее время осады, помѣщалось все начальство раззореннаго города, съ остатками гарнизона, госпиталь и церковь,—эта священная сердцевина, гдѣ еще бился послѣдній пульсъ умирающаго, когда уже остывали оконечности разбитыхъ членовъ, не существуетъ болѣе. Нами же былъ взорванъ фортъ при оставленіи города и одинаковая участь постигла Александровскій, на самомъ устьѣ залива, который такъ славно отразилъ враждебный

флотъ, когда, въ первый день осады, надменно возмечталъ онъ прорваться въ львиную пасть Севастополя.

По мѣрѣ того какъ мы приближались къ сѣверной сторонѣ, баркасъ проходилъ мимо мачтъ потопленныхъ судовъ; грустно было смотрѣть на этотъ мачтовый лѣсъ, выроставшій изъ воды, который нѣкогда съ такою славою носился по водамъ. Пять кораблей и два фрегата затоплены были еще въ первые дни осады, когда наступалъ непріятельскій флотъ; остальные же суда и пароходы въ послѣдній день предъ отступленіемъ, чтобы не достаться въ руки враговъ: это единственные подводные камни сей чудной пристани, которой нѣтъ подобной въ мірѣ, по ея безопасности и простору. Каково же было славнымъ дѣятелямъ, которые сами сооружали всѣ сіи громоносныя суда и летали на нихъ по бурнымъ волнамъ, оглашая громомъ оружія берега Чернаго моря и въ Синопѣ воскрешая Чесму, каково было имъ, собственными руками, хоронить въ родной пучинѣ родныя суда, дѣла рукъ своихъ, какъ они опустили потомъ въ родную землю и тѣла своихъ витязей, водившихъ ихъ на путь побѣды!

Ступивъ на берегъ, мы не пошли къ сѣверному укрѣпленію, гдѣ сосредоточились всѣ наши воинскія силы послѣ оставленія Севастополя, и гдѣ еще цѣлы укрѣпленія, съ двумя фортами Кон-

стантина и Михаила, которые господствуютъ надъ входомъ въ заливъ. Да послужитъ утѣшеніемъ морскимъ витязямъ то, что не могли враги расторгнуть поставленныя ими въ устьѣ преграды затопленныхъ судовъ, которыя и теперь съ трудомъ извлекаетъ, со дна моря, компанія Американская, и что не вѣялъ на водахъ Севастополя флагъ иноземный. Если и погребенъ въ родной пучинѣ Черноморскій флотъ нашъ, не попустилъ онъ однако, чтобы надъ его влажною могилою скользилъ надменный корабль ликующаго врага. Одни Русскіе соблюдаютъ сію глубокую усыпальницу, какъ отдѣлены волнами залива и могилы храбрыхъ воиновъ нашихъ отъ кладбищъ иноземныхъ. Но увы! это цѣлый городъ могилъ: два такихъ некрополиса воздраждены, не далеко одинъ отъ другаго, на сѣверной сторонѣ, а кто сочтетъ тьмы темъ ихъ усопшихъ?

Я устремился на высоту къ одному изъ сихъ исполинскихъ кладбищъ, надъ коимъ теперь созидается погребальная церковь, благочестивымъ усердіемъ одного изъ подвижниковъ осады, который перешелъ послѣднимъ пловучій мостъ въ день отступленія. Пирамидально будетъ зданіе сего храма и уже возведено гранитное основаніе. Надгробный памятникъ Русскихъ воиновъ, падшихъ подъ стѣнами Казани при Царѣ Іоаннѣ, также въ видѣ пирамиды съ церковью внутри, вѣроятно подалъ первую мысль и для внѣшняго

вида Севастопольскаго храма, и если, быть можетъ, въ первую минуту можно пожелать инаго вида, скоро мирится съ нимъ стѣсненное сердце на этомъ полѣ смерти. Мы привыкли видѣть въ пирамидѣ нѣчто погребальное и вмѣстѣ исполинское, по древнимъ колоссамъ Египта, а здѣсь все гласитъ о смерти и все было громадно. Но если пирамида носитъ на себѣ отпечатокъ языческихъ гробницъ, то свѣтлый крестъ, который вѣнчаетъ ея мрачную вершину, будетъ утѣшать насъ мыслію о вѣчности.

У подошвы церковнаго холма встрѣтился я съ архитекторомъ, который прискакалъ ко мнѣ изъ временнаго городка, устроившагося на сѣверной сторонѣ послѣ раззоренія Севастополя. Пріятно было видѣть его ревность, соединенную съ любовію къ искуству, и мы побесѣдовали о будущемъ устройствѣ храма. Онъ будетъ освященъ во имя Святителя Николая, какъ покровителя морскихъ силъ и ангела покойнаго Государя; но кромѣ сего особенный день можетъ быть посвященъ здѣсь поминовенію православныхъ воиновъ, ибо слишкомъ много ихъ легло тутъ костьми за вѣру и отечество, и прилично отдѣлить ихъ память отъ общей памяти иныхъ усопшихъ. Если есть годовщина Мамаева побоища, подъ именемъ Дмитріевой субботы, по чему же не быть Севастопольской послѣ столь безпримѣрнаго подвига?

Всѣ Русскіе Князья мученики, начиная съ Бориса и Глѣба, должны быть изображены на

стѣнахъ храма, подъ сѣнію родоначальника ихъ, равноапостольнаго Владиміра, просвѣтившаго Русь изъ Херсониса. На западной же стѣнѣ пусть будетъ написана, широкою кистью, утѣшительная картина общаго воскресенія мертвыхъ, какъ она представилась Іезекіилю, когда Пророкъ, во дни плѣненія Вавилонскаго, изведенъ былъ духомъ на полѣ, все усѣянное костями человѣческими, какъ и нынѣшнія поля Севастополя, и былъ къ нему Божій гласъ: «сынъ человѣчь, оживутъ ли кости сіи?» Въ ужасѣ отвѣчалъ онъ: «Господи, ты знаешь!» и снова гласъ: «сынъ человѣчь, прорцы на кости сіи и скажи имъ: кости сухія, услышьте слово Господне, се глаголетъ Адонаи Господь костямъ симъ: духъ жизни вдохну я въ васъ и дамъ вамъ жилы, и наведу на васъ плоть и простру по васъ кожу, и дамъ вамъ духъ мой, и оживете и узнаете, что я Господь.» И прорекъ Іезекіиль, какъ заповѣдалъ ему Господь, и вмѣстѣ съ его глаголомъ былъ гласъ и землетрясеніе: совокуплялись кости, кость къ кости, каждая къ своему составу; смотрѣлъ онъ и явились на нихъ жилы, и плоть росла, и простиралась сверху кожа, но въ нихъ не было духа. Тогда къ нему былъ голосъ: «прорцы о духѣ, прореки сынъ человѣческій и скажи духу: такъ глаголетъ Адонаи Господь: отъ четырехъ вѣтровъ пріиди духъ и дохни на мертвыхъ сихъ, да оживутъ.» И онъ прорекъ, какъ заповѣдалъ ему Господь, и взошелъ въ нихъ

духъ жизни, ожили всѣ и стали на ногахъ своихъ соборъ многій, великій. (Iез. 37 гл.) Такъ будетъ нѣкогда и въ сей юдоли плача!

АЛУПКА.

8-го Августа 1858 г.

Если кто не видалъ, въ зеленой Гренадѣ, той пресловутой Альгамбры, о которой такъ горько плакалъ послѣднiй ея властитель, Мавръ Боабдиль, пусть плыветъ сюда, на южный берегъ Тавриды, полюбоваться Альгамброю Русскою, которая внезапно возникла, какъ бы по волшебному манiю, на скалахъ Алупки. Тутъ найдетъ онъ все очарованiе Мавританской: и прохладительный шумъ ея фонтановъ отъ знойной тяготы полудня, и нѣгой дышущiя розы, алою плетеницей обвившiя порфировыя ея террасы; тутъ тѣ же страшные львы, свирѣпѣющiе изъ подъ мрамора, и рядъ стройныхъ кипарисовъ, поставленныхъ какъ бы на стражѣ сего чуднаго созданiя Востока, въ замѣнъ той стройной дружины Абенсераговъ, которая охраняла завѣтныя палаты Царей Мавританскихъ. Цѣлая роща сихъ кипарисовъ манитъ васъ укрыться отъ огнен-

ныхъ лучей въ глубокій мракъ свой, проницаемый только просвѣтами синяго моря, которое виднѣется сквозь темную ихъ колоннаду. Нѣтъ этого великолѣпнаго моря въ чуждой намъ Альгамбрѣ Испанской, а здѣсь оно широко шумитъ у подножія Русской и довершаетъ ея очарованіе.

Море у ногъ ея гложетъ, сѣдою пѣною, брошенные ему на жертву утесы, но оно не смѣетъ коснуться выспреннихъ террасъ; роскошный садъ сбѣгаетъ отъ нихъ къ пучинѣ, весь въ лаврахъ и миртахъ; древесныя магноліи открываютъ бѣлую душистую чашу тропическихъ своихъ цвѣтовъ, изъ-за розовой купы цвѣтущихъ олеандровъ; все здѣсь дышетъ Востокомъ и дальняя Индія приноситъ сюда ароматные свои дары. Но вотъ и дикій Сѣверъ пришелъ оградить, мшистыми скалами, верхніе сады своенравной Алупки, въ которой столько же игры искуства, сколько и природы. Неуловимыя стези подбѣгаютъ подъ гранитные утесы, которые будто готовы обрушиться на смѣлаго путника, довѣряющагося ихъ нависшей громадѣ; но его влечетъ туда живая струя, пробивающаяся изъ сердца камня, какъ слезы участія тамъ, гдѣ ихъ не ждешь, и говоромъ усладительныхъ водъ обворожаетъ посѣтителя сего нечаяннаго Нимфея. Выгляните изъ подъ угрюмой скалы и васъ обвѣютъ плетеницы плюща, зеленою сѣтью разсыпающіяся съ камней, чтобы уловить пришельца и напомнить ему о чудной природѣ юга, промежду

Финскихъ великановъ. На каждомъ шагу разно образіе и богатѣйшая растительность чуждыхъ другъ другу странъ, собрана здѣсь искусною рукою въ одно великолѣпное цѣлое. На Алпійской лужайкѣ, гдѣ катится горный ручей, величаво встаетъ Индѣйская магнолія, въ бѣлой душистой своей коронѣ, когда взоры скорѣе искали бы тутъ Ливанскаго кедра, и вотъ наконецъ потухшій волканъ, на краю Вавилонскихъ садовъ сихъ, поражаетъ васъ страннымъ своимъ явленіемъ посреди всей этой роскоши природы и искуства.

Если море служитъ внизу синею каймою для этой чудной картины, то сверху, иной великолѣпный пологъ ее вѣнчаетъ: это гранитный хребетъ Яйлы. Сурово подымается онъ, тяжкою стопою своихъ скалъ, надъ веселою зеленью виноградныхъ садовъ; вся растительность юга и всякая жизнь умираетъ подъ гранитною его пятой; одно лишь мертвое величіе каменныхъ исполиновъ высится въ синеву эфира, отъ времени до времени повивая гордое чело свое восточною чалмою облаковъ. Два сѣдыхъ утеса, какъ бы двѣ громадныя башни, дѣло рукъ человѣческихъ, еще болѣе выспреннею діадимою вѣнчаютъ самый гребень, и нужно было такое царственное знаменіе для довершенія горней красы; казалось, люди и природа соединили здѣсь свои усилія, чтобы создать нѣчто чудное. Аи-Петри, т. е. святымъ камнемъ слывутъ сіи утесы: отъ того ли, что представлялись они воображенію народному

какъ бы горній олтарь, сооруженный на высшемъ темени горъ, самою природою, дивному ея Творцу? или быть можетъ, какъ и на вершинѣ Аѳона, тутъ стоялъ также рукотворенный храмъ, высоко вознесенный людьми, и былъ онъ посвященъ Св. Апостолу Петру? Есть слѣды развалинъ у самаго подножія двойной скалы Аи-Петри, тамъ гдѣ водруженъ теперь спасительный крестъ,— падающихъ возстаніе. Не подвизался ли тутъ, въ давнія времена христіанства Тавриды, какой-либо невѣдомый отшельникъ, ибо много было разсѣяно пустынныхъ скитовъ по ущеліямъ горнымъ? Но теперь одни лишь крылатыя дѣти скалъ, орлы возносятся на сію недоступную вершину, доколѣ опять не обновятся здѣсь обветшавшіе подвиги человѣковъ, юностію орлей, по выраженію псаломному.

Дворецъ Алупки, съ одной стороны готическій, съ забралами рыцарскихъ воротъ и башень, поросшихъ густымъ плющемъ, съ другой весь въ Мавританскомъ вкусѣ, какъ вѣрный списокъ Альгамбры, съ ея фонтанами и мраморною лѣстницею львовъ: это чудное въ своемъ родѣ созданіе воображенія, вмѣстѣ западнаго и восточнаго, и роскошная прихоть великолѣпнаго вельможи. Едва ли могъ соорудить что-либо подобное и самъ великолѣпный Князь Тавриды, первый дѣятель сихъ очарованныхъ мѣстъ, на которыя положилъ неизгладимую свою печать второй по немъ, Князь намѣстникъ Кавказа, вмѣстившій

въ свою безпримѣрную область двѣ трети Чернаго поморія, отъ устья Дуная и до Требизонда. Не щадилъ онъ милліоновъ на свое любимое созданіе, которымъ услаждалось старческое сердце. Всѣ его палаты изсѣчены изъ зеленаго порфира, который добытъ въ потухшемъ волканѣ; упругій мраморъ уступилъ здѣсь игривой прихоти восточнаго вкуса и искуству рѣзца, кружевными узорами оторочивъ Мавританскія аркады.

Терраса Алупки единственна по красотѣ своей, съ ея вѣчно шумящими фонтанами и шестью мраморными львами, лучшаго рѣзца Италіи; они стерегутъ торжественный восходъ: двое величественно покоятся на низшихъ ступеняхъ и, въ самомъ ихъ отдыхѣ, есть нѣчто царственное и невольный страхъ ихъ пробужденія; но вотъ уже пробудился царь звѣрей, на половинѣ восхода, и грозно озирается на дерзнувшихъ нарушить его покой; еще выше другіе львы: они стоятъ съ открытою пастью, поднявъ косматую гриву, у входа Альгамбры, готовые, по первому манію своего владыки, разтерзать всякаго, кто дерзнетъ приблизиться къ завѣтной аркѣ, которая такъ привлекательна легкимъ своимъ огибомъ и изяществомъ арабескъ. Изъ глубины ея сіяетъ, золотыми буквами, на древнемъ языкѣ Востока, исповѣданіе единства Божія, и невольно останавливаешься предъ столь торжественнымъ входомъ, какъ бы на прагѣ святилища Ислама: такъ разнообразны впечатлѣнія сей Альгамбры!

Съ обѣихъ сторонъ входной арки величественно простираются террасы; но влѣво, предъ роскошною теплицей, гдѣ между пальмъ шумитъ фонтанъ, и предъ высокою залою пиршествъ, терраса обратилась въ благовонный цвѣтникъ, усѣянный розами, а вправо—мраморныя ступени сводятъ на другую чудную террасу къ библіотекѣ: здѣсь опять прихотливая сцена Востока, но уже не Мавританскаго; это отрывокъ Ханскихъ чертоговъ Бакчисарая, съ фонтаномъ Маріи, воспѣтой нашимъ безсмертнымъ поэтомъ. Прозрачная струя каплетъ изъ чаши въ чашу, по блѣдному лицу мрамора, какъ бы крупныя слезы, на память горькихъ слезъ плѣнницы Ханской. Еще ниже Грузинскій садъ, воспоминаніе Тифлисской жизни владѣльца сего очарованнаго замка, ибо все здѣсь имѣетъ свою мысль; виноградныя лозы обвиваютъ всю террасу и крупныя ихъ кисти висятъ съ ея прозрачной сѣни. Еще ниже, у подножія террасъ, заросшая лаврами тропа нечаянно сводитъ въ мрачный гротъ, гдѣ изъ подъ громадной скалы бьетъ живой ключь,—Кастальскій для тѣхъ, кто хочетъ здѣсь черпать вдохновенія.

Но кто не видалъ въ лунную ночь Алупки, тотъ не можетъ постигнуть всѣхъ ея очарованій. Надобно встрѣтить, на ея великолѣпныхъ террасахъ, полный мѣсяцъ, когда багровымъ щитомъ выплываетъ онъ изъ темной пучины и постепенно осеребряется, восходя по воздушной стезѣ,

доколѣ, во всю ширину моря, не заискрится огненный отъ него столбъ. Тогда, блѣднымъ лицемъ своимъ, взглянетъ онъ и на фантастическія палаты Альгамбры, вызванныя имъ изъ вечерняго сумрака; онѣ будто внезапно созданы обманчивыми его лучами, чтобы потѣшить пылкое воображеніе, восточными грезами тысячи одной ночи, но только лѣтней, лунной, упоительной ночи, подобно той, какою вы наслаждаетесь не въ мечтательной Алупкѣ. Тогда приглашаю васъ въ Мавританскую алькову главнаго входа, которая такъ жадно глотаетъ въ свое глубокое устье серебристое сіяніе мѣсяца. Оттуда, изъ полусвѣта и полумрака сей альковы, подъ живописными сводами ея арабескъ, внимательно прислушайтесь къ тихимъ звукамъ обворожительной ночи, вглядитесь въ очарованную картину, которая вдвинулась сама собою въ узорочный огибъ легкой аркады.

Вамъ слышится неумолкаемый шумъ фонтановъ, плещущихъ о мраморныя ихъ чаши, подъ шумъ которыхъ бодрствуютъ верхніе львы, живые въ сіяніи мѣсяца, и дремлютъ другіе на нижнихъ ступеняхъ, болѣе удаленные отъ жизненныхъ водъ. Вы слышите, въ тишинѣ ночи, и другой шумъ широко волнующагося моря, какъ будто оно хочетъ исторгнуться изъ той необъятной чаши Чернаго поморія, въ которую влила его, при началѣ созданія, мощная десница Творца. Далеко море, но кажется близкимъ об-

манутому взору: вотъ оно уже подступило къ гранитному подножію террасъ и будто готово плеснуть, чрезъ мраморныя перила, въ тѣ богатыя вазы, которыя по нимъ разставлены, съ купами благовонныхъ цвѣтовъ, какъ ѳиміамники Альгамбры.

Широко движется море, отъ края террасъ и до дальняго небосклона, но оно плавно и усыпительно для взоровъ, увлекаемыхъ его тихимъ колебаніемъ, какъ легкое движеніе колыбели съ дремлющимъ въ ней младенцемъ, когда качаетъ ее нѣжная рука матери. Одинъ лишь искрометный блескъ луннаго столба оживляетъ спящую пучину и пробуждаетъ васъ отъ тѣхъ неопредѣленныхъ, неуловимыхъ думъ, которыя невольно возбуждаются въ душѣ безбрежностію стихіи и безмолвіемъ ночи.

Но посреди сей необъятности моря и неба, въ которой изчезаетъ всякое дѣло рукъ человѣческихъ, по своему ничтожеству, и все только гласитъ о вѣчности, какой отрадный огонекъ блистаетъ тамъ, гдѣ земля какъ бы утопаетъ въ обѣихъ стихіяхъ и мнится предъ вами уже послѣдній ея предѣлъ? Это огонекъ Св. Ѳеодора на мысѣ Ай-Тодоръ; тамъ, гдѣ былъ нѣкогда храмъ Стратилата, теперь спасительный маякъ, оглашенный именемъ святаго витязя. Путеводительною звѣздою свѣтитъ онъ съ земли, обуреваемымъ на волнахъ, когда потухаютъ во мракѣ свѣтила ночи и черными тучами застилается не-

бо, а бездна кипитъ! Безпокойнымъ взоромъ ищетъ пловецъ, на безпріютной пучинѣ, привѣтливаго огонька, молитвенно обращаясь къ небесному Стратилату, и Ангелъ мѣста сего, не покидающій въ самыхъ развалинахъ ввѣренной ему искони церкви, на пустынномъ берегу, рукою человѣческою зажигаетъ спасительный свой свѣточь, котораго всю сладость можетъ только оцѣнить біющееся трепетомъ сердце обуреваемаго пловца.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

